

МОНОГРАФИЯ

ДЕНЬГИ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ТРУДАХ Л.А. ЛУНЦА

Автор-составитель

И.И. Кучеров

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ГОРОДЕЦ

Коллектив авторов

**Деньги и денежное обращение
в трудах Л.А. Лунца**

Издательский дом «Городец»

2025

Коллектив авторов

Деньги и денежное обращение в трудах Л.А. Лунца / Коллектив авторов — Издательский дом «Городец», 2025

ISBN 978-5-907982-79-6

В настоящем издании освещаются основные идеи и научные достижения Л.А. Лунца в области правовой теории денег и денежного обращения, в которых раскрывается широкий спектр вопросов, связанных с правовым регулированием денежных отношений, функциями денег, их сущностью и ролью в финансовом и гражданском праве. Особое внимание уделяется теоретическим концепциям, разработанным Л.А. Лунцем, а также их практическому применению в отечественной правовой системе. Труды ученого содержат комплексный анализ развития теории денег и денежного обращения. Рассматриваются также вопросы международных расчетов, валютного регулирования и использования частных денежных средств, что делает издание актуальным для специалистов, преподавателей, студентов, научных сотрудников, практиков в области правового регулирования денежного обращения. Для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей, научных сотрудников, юристов, практикующих специалистов в сфере финансового и гражданского права, а также широкого круга читателей, интересующихся правовой природой денег и денежными отношениями в современном обществе.

ISBN 978-5-907982-79-6

© Коллектив авторов, 2025

© Издательский дом «Городец», 2025

Содержание

От автора-составителя	6
Юридическая природа расчетного знака	19
Система действующего валютного законодательства	28
Валютный вопрос в практике международных расчетов по облигационным займам	33
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Илья Ильич Кучеров

Деньги и денежное обращение

в трудах Л.А. Лунца

© ИЗИСП, 2026

© И.И. Кучеров, 2026

© ИД «Городец», оригинал-макет (верстка, корректура, редактура, дизайн), полиграфическое исполнение, 2026

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

@ Электронная версия книги подготовлена ИД «Городец» (<https://gorodets.ru/>)

От автора-составителя

Плеяду наиболее известных отечественных правоведов прошлого века невозможно представить без причисления к их звездному составу профессора Л.А. Лунца. В январе 2022 года ему исполнилось 130 лет со дня рождения. Ученый посвятил себя правовой науке и около 40 лет связывал свою трудовую деятельность с Всесоюзным институтом юридических наук (ВИЮН) – ныне Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Уместно напомнить, что Лазарь Адольфович Лунц родился 29 января 1892 г. в г. Юрьеве Лифляндской губернии (ныне – Тарту, Эстония). После окончания в 1916 г. Юридического факультета Московского государственного университета с отличием, оставлен на кафедре римского права для приготовления к профессорскому званию. Изначально молодой юрист сочетал обучение в аспирантуре с практической работой в статусе консультанта ликвидационной комиссии Наркомата торговли и промышленности РСФСР, позднее, в связи с передачей соответствующих функций в отдел международных расчетов Наркомфина РСФСР, – служащего этого подразделения, а затем – валютного отдела Наркомфина СССР. В 1930 г. уже как высококвалифицированный специалист, свободно владеющий английским, немецким и французским языками, командирован в США для участия в судебном процессе в защиту интересов государственной казны по делу о золоте, которое Госбанком СССР было вывезено для производства расчетов по импорту американских товаров. В результате его усилий претензии Банка Франции, основанные на факте национализации его золотого депозита в РСФСР, судами США оставлены без удовлетворения. Тем не менее, несмотря на достаточно успешно складывающуюся карьеру, в конечном счете отказывается от службы в пользу научной работы. Начиная с 1939 г. вплоть до своей кончины в 1979 г., активно трудился в составе секции гражданского права Всесоюзного института юридических наук (ВИЮН) первоначально в качестве сверхштатного научного сотрудника, затем – старшего научного сотрудника. Прервать научную деятельность пришлось лишь во время войны на период эвакуации (1941–1943 гг.) в Томске.

В 1947 г. после защиты диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук утвержден в ученом звании профессора. После преобразования указанного научного учреждения продолжил научную деятельность в секторе гражданского, гражданско-процессуального и брачно-семейного законодательства Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства (ВНИИСЗ). В 1967 г. удостоен почетного звания заслуженный деятель науки РСФСР за заслуги в области юридических наук и многолетнюю плодотворную педагогическую деятельность. В 1970 г. в знак признания выдающихся заслуг в деле развития юридической науки ученому присуждена Государственная премия СССР¹.

Давно устоявшимся в научной среде является представление о том, что его имя и многочисленные труды, прежде всего, неразрывно связаны с частным правом, что неизменно отмечали и отмечают современные представители этой научной школы. Всем очевиден весомый вклад ученого в теоретическую проработку общего учения об обязательстве, а также в развитие доктрины международного частного права и международного гражданского процесса, как главных направлений его научного интереса. В этой связи профессором Е.Т. Усенко в свое время отмечалось, что «весьма значителен вклад Л.А. Лунца в разработку общих понятий международного частного права и уяснение роли этих понятий в обеспечении его функционирования, особенно во взаимоотношениях государств различных общественных систем. Но все же более существенной с точки зрения обоснования истинности развитого им понимания меж-

¹ См. подробнее: *Минаков А.И.* Л.А. Лунц – выдающийся ученый, основоположник российской науки международного частного права // Проблемы международного частного права. Сборник статей / Под ред. Н.И. Марышевой. М., 2000. С. 8–24.

дународного частного права как совокупности коллизионных норм и норм материально-правовых, унифицированных посредством международных договоров, была и остается его позиция в вопросе о юридической природе международного частного права»².

Фокус его научных интересов был исключительно широк и включал в себя не только гражданское и торговое право, но также семейное и наследственное право, страхование, внешнюю торговлю, арбитраж и др. Непосредственным свидетельством чего является оставшаяся в наследство потомкам обширная библиография, включающая многие десятки монографий, учебников, рецензий, переводов и других научных публикаций³.

Вместе с тем далеко не всем правоведам известно, что самые первые научные публикации Л.А. Лунца приходятся на начало третьего десятилетия прошлого века, и их содержание преимущественно связано с тематикой валютно-денежных отношений, что во многом было обусловлено его профессиональной деятельностью. Служба в Наркомфине СССР подвигала его к проработке правовых вопросов, корнящихся преимущественно в области государственного кредита, денежного обращения и валютного регулирования. В этой связи обращают на себя внимание такие его статьи, как «Юридическая природа расчетного знака» (1922), «Валютный вопрос в практике международных расчетов по облигационным займам» (1925), «Система действующего валютного законодательства» (1926)⁴. Содержание этих работ позволяет получить достаточно полное представление относительно, исповедуемых ученым подходов относительно денег, как средств обращения и платежа. При этом, несколько опережая изложение, следует заметить, что и в более поздних научных работах они в основе своей не изменились, что указывает на последовательность ученого в деле теоретических построений.

Так, в первой из упомянутых статей фактически приведено содержание научного доклада, прочитанного Л.А. Лунцем в августе 1921 г. на секции по вопросам денежного обращения и кредита Института экономических исследований Наркомфина РСФСР. Эта работа была опубликована в сборнике статей «Денежное обращение в России и за границей в годы войны и революции (1914–1921 гг.)». В этом сборнике также были помещены статьи известных специалистов в области финансов – С.В. Воронина, В.Я. Железнова, З.С. Каценеленбаума, А.А. Соколова, К.Ф. Шмелева, О.Ю. Шмидта и др. В своей статье ученый предпринял попытку разрешения вопроса относительно возможности использования советских расчетных знаков в качестве средства погашения иностранной задолженности, выраженной в российской валюте, опираясь на судебную практику, имеющуюся на тот момент, и руководствуясь собственными теоретическими соображениями о юридическом существе денег. Приняв во внимание шестичленную формулу функций, исполняемых деньгами в обороте (по Гельфериху), ученый исходит из того, что «меновая ценность всякого предмета, в том числе и денег, есть результат состоявшегося обмена, а посему способность денег иметь ценность и служить мерилom ценности есть результат их способности быть средством обмена. Служить орудием перенесения ценности во времени и пространстве деньги могут лишь потому, что они являются средством обмена, платежа и предоставления капитала. Но из этих последних трех функций, которые взаимно обуславливают друг друга и посему могут быть названы основными, юридически первичною функцией денег является их способность быть законным платежным средством, орудием погашения отсроченных долгов. Функции денег как средства обмена и предоставления

² См.: Усенко Е.Т. О научном вкладе Л.А. Лунца // Проблемы международного частного права: Сборник статей / Под ред. Н.И. Марышевой. М., 2000. С. 25–26.

³ См.: Тарумова Т.А. Труды Л.А. Лунца – библиография // Проблемы международного частного права: Сборник статей / Под ред. Н.И. Марышевой. М., 2000. С. 206–215.

⁴ См. соответственно: Лунц Л.А. Юридическая природа расчетного знака // Денежное обращение и кредит. Труды секции по вопросам денежного обращения и кредита. Т. 1: Денежное обращение в России и за границей в годы войны и революции (1914–1921 гг.) / Под ред. С.В. Воронина и К.Ф. Шмелева. Петроград: ИЭИ НКФ, 1922; Лунц Л.А. Валютный вопрос в практике международных расчетов по облигационным займам // Вестник финансов. 1925. № 4; Лунц Л.А. Система действующего валютного законодательства // Революционная законность. 1926. № 15–18.

капитала, носят преимущественно экономический характер; в обоих случаях дело идет о свободном соглашении сторон, по самой природе своей исключая принудительную норму <...> Зато в отношении способности погашать отсроченные долги правовое регулирование не только возможно, оно прямо необходимо. <...> Оно необходимо, потому что с тех пор, как деньги перестали быть кусочками металла, взвешиваемого при производстве платежа, счетная денежная единица стала условной формой, которая может получить конкретное содержание лишь в порядке правового регулирования» <...> Но как быть, если государство, создавая деньги, как средство погашения отсроченных долгов, препятствует засим их циркуляторному применению в качестве орудий обмена и представления капитала. Такое именно явление мы наблюдаем со времени октябрьского переворота: уничтожение кредитных учреждений, частной собственности на землю и на огромное большинство городских недвижимостей, постепенное огосударствление промышленных предприятий и замена торговли большинством предметов государственным их распределением»⁵. В конечном счете скрупулезно проанализировав процесс выпуска и замены одних денежных знаков на другие, которые накануне имели место в стране, автор заключает, что «таким образом, не касаясь экономических и финансовых вопросов современного денежного обращения, можно сказать, что с юридической, в данном случае, впрочем, чисто формальной, стороны советские декреты не создавали ограничений, которые вовсе бы исключали применение российских денежных знаков в качестве орудия обмена и мелкого кредита. А это вместе с законной платежной силой этих знаков, о которой речь была выше, является вполне достаточным для признания их способности погашать заграничные денежные обязательства, заключенные в российской валюте»⁶.

В работе «Валютный вопрос в практике международных расчетов по облигационным займам» ученый рассматривает актуальнейшие для своего времени финансово-правовые вопросы определения расчетной денежной единицы по государственным облигациям, снабженным паритетами нескольких валют, учета падения покупательной силы денежной единицы, в которой выражена облигация, переоценки денежных обязательств в связи с полным обесцениванием денежных единиц. Ключевыми являются выводы автора о том, что «по общему правилу изменения в пределах какой-либо денежной системы, поскольку изменения эти не упраздняют самую денежную систему, не вводят новой денежной единицы, не влияют на содержание частноправовых обязательств. <...> Принцип номинализма денежных обязательств может быть кратко выражен так: денежное обязательство имеет своим предметом денежные знаки, служащие законным платежным средством в момент исполнения обязательства, в той сумме денежных единиц, которая выражена в договоре. <...> Падение или повышение покупательной силы денежной единицы, в которой выражено обязательство, не принимается во внимание на тех же основаниях, как не может быть принято во внимание изменение цены любого другого предмета, который может быть объектом сделки. <...> Лицо, заключающее сделку в иностранной валюте, доверяет своему законодательству того государства, к которому относится валюта договора; только это последнее государство имеет возможность и право установить, какие денежные знаки и в какой степени являются платежным средством по такому долгу. Последующие изменения в денежной системе, если они даже вызывают обесценение денежной единицы, распространяются на все долги, выраженные в валюте данного государства»⁷.

Формат научного очерка перо молодого ученого впервые обрело в коллективной монографии «Очерки кредитного права», составленной из докладов по вопросам кредитного права и денежного обращения, сделанных на финансово-правовой секции Института экономических исследований при Народном комиссариате финансов СССР. Ему было доверено

⁵ См.: *Лунц Л.А.* Юридическая природа расчетного знака. С. 472–473.

⁶ Там же. С. 482.

⁷ См.: *Лунц Л.А.* Валютный вопрос в практике международных расчетов по облигационным займам. С. 4–6.

написание открывающего изложение очерка о деньгах и денежных обязательствах. Соавторами Л.А. Лунца, тогда еще не имеющего ученого звания, выступили профессора М.М. Агарков, А.Э. Вормс, Н.Д. Силина и Л.С. Эльяссон. В предисловии к этому изданию его научный редактор профессор А.Э. Вормс писал: «... очерки рассматривают актуальные вопросы нашего хозяйственного, в частности финансового, строительства. Мы переживаем период, в который научное освещение нашего денежного и кредитного хозяйства представляет огромные трудности. Первый очерк посвящен «Деньгам и денежным обязательствам». Автор не имел возможности осветить в нем эту необычайно широкую и многоликую проблему во всех отношениях; в частности, он не касается сложного валютного законодательства и связанных с ним теоретических вопросов. Но сосредоточение на определенных сторонах его темы было совершенно необходимо для того, чтобы дать этим сторонам действительно углубленное теоретическое освещение. В пределах тех рамок, которые поставил себе автор, он дает, как нам кажется, исчерпывающий юридический анализ понятия денег в связи с историей советской денежной системы, а затем разрешает важнейшие вопросы, связанные с влиянием изменения ценности денег на денежные обязательства»⁸. Интеллектуальное ядро этой работы составляет суждение автора о том, что «Закон непосредственно не может создать всеобщего орудия обмена, ибо он не может указать, что должно быть предметом сделок, совершаемых добровольно; закон не может также предписать определенную покупательную силу существующего орудия обмена, так как покупательная сила денег есть результат сложного взаимодействия индивидуальных оценок всех участников гражданского оборота. <...> Государство выпускает изготовленные из бумаги знаки, объявляя, что знаками этими можно погашать существующие долги; гражданский оборот пользуется этими знаками для заключения новых сделок.

Здесь законное платежное средство стало орудием обращения. Государство чеканит монеты из золота, которое в обороте до этого служило средством обмена, и объявляет эти монеты деньгами в юридическом смысле. Здесь орудие обращения получило законную платежную силу. В обоих случаях экономическое и юридическое понятия денег предметно совпадают. Такое совпадение представляется с народно-хозяйственной точки зрения нормальным и неизбежным, ибо государство не может длительно навязывать платежную силу какому-либо предмету, если гражданский оборот отказывается пользоваться этим предметом для заключения новых сделок. Но совпадение это не носит логического характера, не вытекает из сущности самих понятий: «орудие обращения» и «законное платежное средство» – два понятия, которые различны по своему содержанию, хотя обычно сходны по объему»⁹. В этих суждениях отчетливо проявляется самостоятельное видение автора ключевого вопроса денежной теории, которое отлично от основных идей как металлической, так и номиналистической теорий денег. В этой же работе им обозначены основные признаки денег, которым им отнесены их подвижность, заменимость и эквивалентность денежных знаков, делимость и потребляемость. Указано, что специфические особенности денег, отличающие их от других объектов гражданского права, определяются экономической функцией, которую последние исполняют в обороте. Этими особенностями обладает всякое орудие обращения – всякие деньги, хотя бы и не снабженные законною платежною силою. Понятие орудия обращения, по существу – экономическое, получает, таким образом, правовое значение¹⁰.

Спустя год, теоретическое развитие указанные тезисы обрели уже в первой сольной монографической работе Л.А. Лунца «Деньги и денежные обязательства»¹¹. Относительно этого

⁸ См.: Вормс А.Э. Предисловие к книге «Очерки кредитного права» / Под ред. А.Э. Вормса. М.: Финансовое издательство НКФ СССР, 1926. С. 3–4.

⁹ См.: Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства // Очерки кредитного права / Под ред. А.Э. Вормса. М.: Финансовое издательство НКФ СССР, 1926. С. 7–9.

¹⁰ Там же. С. 25–26.

¹¹ См.: Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства. М.: Финансовое издательство НКФ СССР, 1927. 135 с.

творческого периода ученого, как писал профессор О.Н. Садиков, «начинается параллельная преподавательская и научная исследовательская работа Л.А. Лунца, сначала преимущественно в области финансового права. Среди его первых крупных научных публикаций книга “Деньги и денежные обязательства” (М., 1927), которая ввиду отсутствия в нашей юридической литературе аналогичных исследований, остается полезным пособием до настоящих дней, когда финансовая тематика приобретает особые интерес и значение»¹². Сам автор во введении к упомянутой выше работе писал: «Закон, связывая с “денежным” свойством вещи известные юридические последствия, нигде, однако не дает определения общего понятия денег: в действующем праве всех государств можно найти конкретные указания на то, что определенные вещи должны рассматриваться, как деньги, но нельзя найти определения общего понятия денег; между тем приведенные указания могут не иметь исчерпывающего значения. Вследствие этого для юридической теории возникает задача дать определение правового понятия денег, которое восполняло бы пробелы действующего закона. <...> Итак, конструируя юридическое понятие денег, мы принуждены исходить из экономического понятия о деньгах. Это, однако, не означает, что правовое понятие денег вполне совпадает с экономическим: государство имеет возможность предписать применение правовой нормы, установленной для денег, к таким предметам, которые с экономической точки зрения не исполняют денежной функции, и, наоборот, воспретить применение указанных к таким вещам, которые для экономиста являются деньгами. Такие отклонения юридической нормы от экономической сущности денег не соответствуют “нормальному” положению вещей; поэтому экономическое понятие денег всегда остается источником восполнения пробелов юридического определения»¹³.

Ценность этой работы для науки финансового права заключается в том, что автор обстоятельно проанализировал и сформулировал основные правовые институты, относящиеся к сфере денежного обращения. В частности, рассмотрены такие ключевые для денежного обращения категории, как «всеобщее орудие обмена» и законное платежное средство, проведено их точное соотнесение. В отношении них Л.А. Лунц писал: «Закон непосредственно не может создать всеобщего орудия обмена, ибо он не может указать, что должно быть предметом сделок, совершаемых добровольно; закон не может также предписать определенную покупательную силу существующего орудия обмена, *так* как покупательная сила денег есть результат сложного взаимодействия индивидуальных оценок всех участников гражданского оборота. Тот факт, что определенная вещь служит орудием обмена, покоится на привычных действиях участников гражданского оборота. Но эти привычки складываются под сильнейшим, хотя и косвенным, воздействием со стороны государства. Итак, гражданский оборот создает орудие обращения, а государство – законное платежное средство. Государство выпускает изготовленные из бумаги знаки, объявляя, что знаками этими можно погашать существующие долги; гражданский оборот пользуется этими знаками для заключения новых сделок. Здесь – законное платежное средство стало орудием обращения. Государство чеканит монеты из золота, которое в обороте до этого служило средством обмена, и объявляет эти монеты законным платежным средством. Здесь орудие обращения получило законную платежную силу. Ввиду указанного взаимоотношения понятий орудия обращения и законного платежного средства не представляется возможным дать единое определение юридического понятия денег»¹⁴.

В исследовании также проведен критический анализ наиболее известных в то время юридических теорий о деньгах. К «основному элементу юридического учения о деньгах» ученый относил разграничение двух понятий денег – общего для права и экономической науки

¹² См.: Садиков О.Н. Профессор Лазарь Адольфович Лунц (1892–1979) // Проблемы международного частного права. Сборник статей / Под ред. Н.И. Марышевой. М., 2000. С. 5.

¹³ См.: Луиц Л.А. Деньги и денежные обязательства. С. 4–5.

¹⁴ Там же. С. 7–9.

и специального – в юридическом смысле. В своих размышлениях ученый основывался на отдельных теоретических выкладках, изложенных за полвека до этого, в одной из работ немецкого мыслителя Г. Хартманна, являющегося ярким представителем номиналистической теории денег¹⁵. Основная идея последнего сводится к тому, что правовые нормы, регулирующие денежное обращение, «имеют своим объектом вещи, которые обладают способностью служить эквивалентом всех хозяйственных благ и в силу этого фактически в гражданском обороте служат средством накопления и обращения имущественных ценностей; сюда относятся не только знаки, снабженные платежной силой по закону, но и банкноты, а также иностранная валюта, обращающаяся в стране. Наряду с этим “общим” понятием денег видится “специальное” понятие о деньгах, как о предметах, которым по закону присвоена способность служить средством погашения обязательств во всех случаях невозможности исполнения, не освобождающей должника. И при этом во внимание принимается не “курсовая цена денег” (покупательная их способность), не “металлическая цена” (стоимость содержащегося в монете благородного металла), а “номинальная цена” их, т. е. количество денежных единиц, обозначенных на денежных знаках». Воспринимая в целом эту формулу, тем не менее Л.А. Лунц в своей работе вполне обоснованно отмечает, что «номинальная цена» денег – неудачный термин, поскольку допускает закрепление ценности денег на определенном уровне в порядке законодательного акта. Между тем речь должна идти не об определении покупательной способности денег и даже не о создании правовой фикции об устойчивой их ценности, а об определении их платежной силы. При выпуске денег государственная власть определяет обязательность их приема в платежи и обозначает на каждом знаке определенную сумму тех денежных единиц, в которых выражены существующие денежные долги. Таким путем государство не только присваивает деньгам платежную силу, но и определяет степень этой платежной силы»¹⁶. В подстрочнике Л.А. Лунцем фактически приведен авторский краткий обзор научных публикаций известных последователей Г. Хартманна – К. Хелффрича, Дж. Скадучо, Х. Гербера и др. с изложением их основных выводов относительно правовой сущности денег¹⁷.

Затем ученый обращается уже к трудам французских представителей номиналистической теории денег (Монтескье, Потье). В частности, по теоретическому основанию, приведенному выше, он подвергает критике их идею «фиксированной государством ценности денег», базирующейся на абсолютизации права королевской монетной регалии. При этом досталось критических **стрел** и выразившему сходные взгляды русскому мыслителю И.Т. Посошкову, который в свое время писал о монете, что «мы не иноземцы, не меди цену исчисляем, но имя царя своего величаем, того ради, нам не медь дорога, но дорого его царское именование, того ради мы не вес в них числим, но исчисляем начертание на ней. И по сему разумей, еже у нас не вес имеет силу, но царская воля»¹⁸. Обратив внимание на этот тезис, Л.А. Лунц комментирует, что «Посошкову, по-видимому, осталась неизвестною печальная судьба медных рублей, выпущенных при царе Алексее Михайловиче»¹⁹.

В последующем изложении ученым подвергнута критическому анализу и государственная теория денег, сформулированная под девизом «деньги – создание правопорядка». Ее представители (Кнапп, Бендиксен) вовсе отрицали наличие у денег качества ценности, признавая за ними лишь свойство платежного средства, созданного государственной властью. Платежная сила каждого денежного знака определяется правовым порядком и уже не зависит от того материала из которого он изготовлен. Относительно этой теории Л.А. Лунц пишет,

¹⁵ Hartmann G. Ueber den rechtlichen Begriff des Geldes und den Inhalt von Geldschulden. Brausseweig, 1868.

¹⁶ См.: Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства. С. 12–14.

¹⁷ См., например: Helfferich K. Das Geld. Leipzig, 1923; Scaduto G. I debiti pecuniari e il deprezzamento monetario. Milano, 1924; Gerber H. Geld und Staat. Jena, 1926.

¹⁸ Приводится по: Посошков И. Книга о скудости и о богатстве. М., 1824.

¹⁹ См.: Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства. С. 14–15.

что «деятельность государства в области денежного обращения сводится, таким образом, по Кнаппу, к тому, что государство объявляет определенные предметы платежным средством, устанавливает степень их платежной силы, выражая ее в определенных счетных единицах “номинального” (не физического не ценностного) свойства, производит этими предметами платежи в отношении своих кредиторов и принимает их в погашение долгов от своих дебиторов. В результате предметы эти становятся орудием обращения. Но возражает в связи с этим Л.А. Лунц, «действия эти (чеканка монет, печатание бумажных денег, выпуск тех и других в обращение) создают законное платежное средство не сами по себе, а лишь постольку, поскольку закон предписывает принимать выпускаемые государством знаки в погашение существующих долгов. С другой стороны, действия эти сами по себе – без содействия гражданского оборота – не создают орудия обращения». Затем продолжает, – «...учение Кнаппа о существе денежной единицы значительно углубило понимание юридической природы денег: в пределах определенной денежной системы денежная единица определяет *Geltung* – платежную силу, а не *Wert* (ценность) денежных знаков. В этом своем качестве, а также в качестве единицы исчисления отсроченных платежей, она лишена не только физических, но и ценностных свойств, и поддается определению только юридико-исторически, путем установления связи с предшествующей денежной единицей. Это, однако, не исключает того, что с денежной единицей в каждый данный момент могут быть связаны известные ценностные представления, так как денежная единица воплощается в денежных знаках, обмениваемых на товары и имеющих, следовательно, покупательную силу»²⁰.

Обзор номиналистических учений в работе завершает изложение анализа теоретических выкладок А. Нуссбаума опубликованных в одной из его работ²¹, которая, по мнению Л.А. Лунца, представляет собой «несомненно, самое ценное из современных исследований по вопросам “денежного права”». Нуссбаум конструирует понятие денег, общее для права и экономики, но его учение носит юридический характер, так как он рассматривает деньги, как один из видов вещей, определенных родовыми признаками. В отличие от других заменимых вещей денежные знаки отличаются одной особенностью: при передаче и принятии их принимается во внимание исключительно лишь отношение денежного знака к определенной идеальной единице, вследствие чего материальный и ценностный субстрат денежного знака не является моментом, определяющим понятие денег. Логически идеальная единица, которая характеризуется определенным наименованием, является приматом в отношении денежного знака, но она овеществляется в этом последнем так, что каждый денежный знак выражает определенное отношение к ней. То обстоятельство, что гражданский оборот различает денежные знаки не по физическим свойствам, а по отношению их к определенной счетной единице, имеет огромное значение для всей техники современных денежных расчетов²².

Металлическая теория денег ученым оставлена практически без внимания, судя по всему, из-за того, что к тому времени уже плохо сочеталась с денежным обращением, которое утрачивает обеспечение драгоценными металлами. Подводя итог в этой части изложения, Л.А. Лунц лишь ограничивается установлением соотношения основных идей номиналистов и «металлистов», отмечая, в частности, что «как видно из предшествующего изложения номиналистические учения разнятся друг от друга своим отношением к проблеме ценности денег и к вопросу о значении государственного правового регулирования в сфере денежного обращения. Объединяет их сходство в понимании существа денежной единицы и содержания денежных обязательств. В разрешении этих двух вопросов номинализм сталкивается с противоположную группу учений, которые принято объединять под общим названием теории

²⁰ Там же. С. 17–19.

²¹ Nussbaum A. Das Geld in der Theorie und Praxis des Deutschen und Auslandischen Rechts. Tübingen., 1926.

²² См.: Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства. С. 21–22.

“металлистов”. Как отмечалось выше, для номиналиста денежная единица может быть связана с ценностным представлением, но сама по себе ценностью не обладает: это лишь абстрактная счетная единица, в которой выражены цены всех товаров, в том числе и цена того благородного металла, который лежит в основании денежной системы. Для металлиста, напротив того, золото и серебро есть последний масштаб измерения ценности денежных знаков, денежная же единица является для него определенным количеством золота или серебра, т. е. вещью, обладающей ценностью»²³.

Отдельный раздел книги Л.А. Лунц посвятил денежным знакам и денежным системам. Исходным для права денежного обращения как подотрасли финансового права является его тезис о том, что «одним из основных начал публичного права всех стран является суверенитет государства в области денежного обращения. Правительство всегда пользуется исключительным правом на чеканку монеты, изготовление государственных бумажных денежных знаков и на выпуск тех и других в обращение. Правительство засим определяет относительную платежную силу выпускаемых денежных знаков путем объединения их в денежную систему и принимает в законодательном и административном порядке ряд мер, направленных к поддержанию ценности денег на определенном уровне. Монеты и бумажные знаки, выпускаемые правительством и получившие на деле значение всеобщего орудия обмена, могут быть названы “государственными деньгами”». Основным видом государственных денег им определялись денежные знаки, «снабженные по закону платежной силой» – законные платежные средства. Свойство такового денежный знак получает в силу предписаний закона, поэтому один лишь факт выпуска в обращение неких денежных знаков государством законного платежного средства не создает. К государственным деньгам ученый не относил иностранную валюту, разного рода ценные бумаги и легитимационные документы (купоны и облигации государства и частных предприятий, чеки, векселя, переводы, разного рода марки, товарные ордера и т. п.), которые в той или иной степени могут использоваться в качестве орудия обращения. Однако при этом полагал, что если использование подобных предметов в качестве такового орудия обрело всеобщий характер, то такая иностранная валюта или документ становится настоящим (хотя и не «государственным») денежным знаком²⁴. Тем самым категория денег трактовалась им достаточно широко, и денежный состав он не склонен был сводить только к законным платежным средствам.

Особое внимание ученый уделяет платежной силе денежных знаков, в том числе с точки зрения соотношения ее применительно к различным их видам. В отношении этой правовой категории им указывается, что «платежная сила денежного знака устанавливается по номиналу, выраженному в определенном числе денежных единиц. <...> Присвоение законной платежной силы некоторым видам денежных знаков (серебро, медь, бумажные знаки, золото) создает для должника возможность выбора из них любого для исполнения обязательства. <...> денежные знаки, снабженные по номиналу законной платежной силой, независимо от различных своих физических качеств с правовой точки зрения ничем не отличаются друг от друга – составляют один и тот же род и вид предметов». Однако в итоге формулирует вывод о том, что «юридическое значение законной платежной силы не следует преувеличивать: денежные знаки, обладающие кассовым курсом и устойчивой покупательной силою, могут по воззрениям гражданского оборота считаться такими же деньгами, как и законное платежное средство. <...> Денежные знаки, не снабженные законною платежною силою, часто являются «провизорными» деньгами, т. е. такими, которые по требованию держателя размениваются на денежные знаки, обладающие платежною силою по закону. <...> Размен или обмен «провизорных денег» следует отличать от обмена денежных знаков, изымаемых из обращения, на новые

²³ Там же. С. 22–23.

²⁴ Там же. С. 27–29.

выпускаемые государством. Обмену этому, обычно, предшествует лишение соответствующих знаков платежной силы по закону, если они пользовались таковой. Засим, устанавливается публично-правовая обязанность и право для держателей сдать эти деньги государству в обмен на новые денежные знаки до определенного срока, когда они теряют также и кассовый курс и с точки зрения права перестают рассматриваться, как деньги (демонетизация). Обмен всегда происходит по номиналу. Государство с точки зрения права вообще не считается ответственным за обесценение своих денег, даже в том случае, когда это падение вызвано чрезмерной эмиссией»²⁵. В этом суждении Л.А. Лунца фактически усматривается резкая отповедь существующему положению дел в сфере денежного обращения, обусловленному государственной монополией на эмиссию законных платежных средств.

Самое пристальное внимание правовед уделит теоретическим вопросам, имеющим отношение к денежным системам. В этой связи им отмечается, что «Регулирующая деятельность государства в сфере денежного обращения находит свое формальное завершение в том, что все выпускаемые правительством или с разрешения правительства денежные знаки объединяются в денежную систему. Понятие денежной системы имеет, однако, два аспекта: юридический и экономический. С первой точки зрения денежная система каждой страны определяется, как совокупность различных видов денежных знаков, выраженных в одной и той же денежной единице, которая определяет их относительную платежную силу. С этой юридической точки зрения денежная система остается неизменной, поскольку не изменяется лежащая в ее основе денежная единица: выпадение отдельных элементов этой системы (напр., исчезновение из обращения металлических монет) и изменение покупательной силы денежных знаков, оставшихся в составе денежной системы, не нарушает тождественности этой последней. С точки зрения экономической денежная система понимается, как один из определенных исторически сложившихся типов государственного регулирования ценности денежных знаков». С учетом этого ученый предлагает исходить из наличия двух видов денежного устройства. При этом первый сводится к построению денежной системы на основе одной денежной единицы, которая и определяет платежную силу всех денежных знаков в пределах того или иного государства. Второй исходит из возможности сосуществования в пределах одного государства двух денежных систем, каждая из которых имеет свою особую денежную единицу, при этом платежное соотношение последних определяется на основе соответствующего курса. В этом случае имеет место параллельное денежное обращение. Украшением изложения является то, что большинство теоретических выводов сопровождается характерными примерами из практики денежного обращения и денежного устройства с приведением фрагментов соответствующего правового регулирования в различных странах²⁶.

Нельзя не отметить теоретический вклад ученого и в разработку юридических вопросов, сопровождающих использование в качестве средств обращения и платежа частных денег. Как пишет Л.А. Лунц, «наряду с различными видами государственных денег, гражданский оборот выдвигает свои собственные средства обмена, о денежной функции которых умалчивает закон. В действующем советском праве, а также в экономических исследованиях эти негосударственные деньги носят название “денежных суррогатов”. С юридической точки зрения этот термин представляется неточным, так как если употребление этих “денежных суррогатов” приобрело всеобщее значение и не запрещено законом, то они должны рассматриваться, как настоящие деньги в юридическом смысле слова: платеж ими есть настоящее исполнение обязательства (*solutio*), а не замена исполнения (*datio in solutum*). Поэтому с правовой точки зрения правильнее было бы говорить о “негосударственных” или “частных” деньгах. <...> “Негосударственные” деньги приобрели у нас особое значение в эпоху мировой и особенно гражданской войны.

²⁵ Там же. С. 29–37.

²⁶ Там же. С. 40–44.

В этот период в различных местностях б. Империи, в особенности же на Дальнем Востоке, большое значение приобрели денежные знаки, выпущенные частными и кооперативными организациями. <...> Эти “частные эмиссии” вытесняли “государственные деньги”, способствовали дальнейшему их обесценению и препятствовали оздоровлению денежного обращения. <...> Советское право вовсе не знает “частных”, “негосударственных” денежных знаков»²⁷. Тем самым ученый выразил свое негативное отношение к практике использования частных денег в качестве орудия обращения.

Публично-правовую часть изложения в работе завершают разделы, посвященные устройству довоенной денежной системы, и ее последующему распаду в период 1914–1921 гг., а также действующей на тот момент советской денежной системе и соответствующему финансово-правовому регулированию²⁸. В частности, уделено пристальное внимание российской системе золотого монометаллизма и сопровождавшему ее размену государственных кредитных билетов на звонкую монету, выпускам казначейских и расчетных знаков и их соотношению, последующим советским денежным реформам, которые предусматривали отмену ограничений права собственности на деньги, деноминацию, установление единого образца денежных знаков, создание особых законных единиц измерения ценности и т. п.

Во всех последующих работах известный исследователь уже в меньшей степени фокусируется на категорировании денег и денежных систем, ограничившись рассмотрением лишь тех вопросов, которые связаны с использованием законных платежных средств, иностранной валюты и «негосударственных денег» при исполнении денежных обязательств. В подобной же постановке рассматриваются и отдельные вопросы валютного регулирования. Так, в статье «Влияние валютного регулирования в капиталистических странах на договорную ответственность»²⁹ исследуется практика валютных ограничений, имеющих значение при решении вопросов об ответственности по денежным обязательствам. Эта научная публикация примечательна тем, что в ней ученый в схематическом виде комплексно представил систему валютных ограничений, которые в 1930-х годах стали устанавливать на законодательном уровне многие государства. Необходимость в таких ограничениях обуславливалась повсеместным расстройством денежного обращения и кредита и крушением сложившейся ранее системы международных расчетов. В качестве слагаемых соответствующего валютно-правового режима им поименовано: определение круга объектов, на которые распространено валютное регулирование (золото, серебро, наличная иностранная валюта, чеки, векселя, аккредитивы и переводы в иностранной валюте, требования в иностранной валюте, включая счета и вклады в банках, а в некоторых странах – иностранные акции и облигации); сосредоточение операций с валютными ценностями в центральных эмиссионных банках и специально уполномоченных банках («девизные банки»); разрешительный (с разрешения «девизного органа») порядок вывоза валютных ценностей и переводов иностранной валюты; установление обязательной сдачи девизному банку валютных средств, поступивших в оплату экспорта, а также реквизиция валютных ценностей; запрет на вывоз за границу национальной валюты («местных денежных знаков») и выраженных в ней чеков и векселей; введение специальных режимов использования иностранными лицами счетов в местных банках; установление запрета на оплату экспорта местной валютой; директивное установление официального курса местной валюты по отношению к валютам других стран. В целом подобные ограничения, как отмечает ученый, – «представляют собой совокупность мероприятий, направленных к ограничению трансфера за гра-

²⁷ Там же. С. 44–49.

²⁸ Указ. соч. С. 49–78.

²⁹ См.: *Лунц Л.А.* Влияние валютного регулирования в капиталистических странах на договорную ответственность // Ученые записки ВИНУН. Вып. VI. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1946.

ницу или к ограничению операций, в конечном счете, приводящих к такому трансферу и к накоплению международных платежных средств (валютных ценностей) в девизных банках»³⁰.

Примерно в этом же ключе следует позиционировать и увидевшую свет спустя два года монографию «Денежное обязательство в гражданском и коллизионном праве капиталистических стран»³¹, содержание которой во многом основывалось на результатах диссертационного исследования Л.А. Лунца на соискание ученой степени доктора юридических наук. Во введении к этой книге сам автор пишет, что «рассмотрение денег как объекта капиталистических гражданских правоотношений и, в частности, изучение вопросов денежных обязательств – имеет большой теоретический интерес в связи с теми потрясениями в области денежного обращения, которые имели место в странах капитализма после первой мировой войны и повторяются там – с кратковременными интервалами – до настоящего времени».

В содержании указанной работы со всей очевидностью усматривается преемственность ранее выдвинутых идей, поскольку отдельные фрагменты непосредственно перекликаются с содержанием ранее опубликованных работ, дополняют и развивают их основные положения. Так, в этой книге ученый, соотнеся законное платежное средство и объект денежного обязательства, пишет, что «Государство присваивает определенным вещам функцию законного платежного средства с той целью, чтобы вещи эти фактически стали средством обращения; нет законного платежного средства в тех случаях, когда должникам дается возможность освободиться от обязательства путем предоставления кредиторам определенных вещей, если при этом не имеется в виду, чтобы вещи эти превратились в средство обращения. <...> В условиях капитализма возможно, однако, что знаки, снабженные платежной силой по закону, перестают быть средством обращения (например, вследствие отказа населения принимать обесценившиеся бумажные деньги или в случае тезаврации золотых монет). Возможно также, что “монеты” или бумажные знаки, выпущенные государственной властью и снабженные законной платежной силой, не будут приняты оборотом в качестве средства обращения. Однако законное платежное средство будет всегда рассматриваться как надлежащее средство погашения денежного обязательства, независимо от того, является ли оно фактическим средством обращения или нет»³².

Исследовав денежные обязательства в валюте иностранных государств, Л.А. Лунц констатирует, что «всякая иностранная валюта потенциально исполняет денежные функции в сфере так называемых международных расчетов, т. е. в области расчетов между лицами, проживающими в разных странах. Эта потенциальная роль всякой иностранной валюты вытекает из того, что денежное обязательство по внешней торговле или по заграничной кредитной операции всегда выражено в валюте, которая по меньшей мере для одной из сторон соответствующей сделки будет иностранною. <...> В виде общего правила можно сказать, что по всем правовым системам обязательство уплатить иностранную валюту (поскольку такое обязательство вообще допускается по закону) обсуждается по правилам, установленным для денежных обязательств»³³. В связи с этим в последующем изложении ученый задается вопросом относительно действия законодательных актов других стран в части платежной силы иностранных денежных знаков, – «какое значение может иметь иностранный закон о платежной силе тех или иных денежных знаков? Вопрос этот возникает в отношении обязательств в иностранной валюте и здесь решается практикой в том смысле, что содержанием такого обязательства (валютой долга и валютой платежа) считаются те денежные знаки, которые в момент платежа являются закон-

³⁰ Лунц Л.А. Указ. соч. С. 97–116.

³¹ См.: Лунц Л.А. Денежное обязательство в гражданском и коллизионном праве капиталистических стран // Ученые труды ВЮИОН. Вып. XIV. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. 215 с.

³² Указ. соч. С. 19–20.

³³ Там же. С. 21–22.

ным платежным средством в соответствующем иностранном государстве. В этом смысле иностранный закон о платежной силе денег может иметь экстерриториальный эффект»³⁴.

В отношении использования «негосударственных денег» его основное суждение весьма категорично и сводится к тому, что «в периоды социальных кризисов (революция, война), а также в других чрезвычайных экономических и политических условиях существенное значение в обороте приобретал иногда “частные” средства обращения или так называемые денежные суррогаты. <...> Не подлежит сомнению, что “частные деньги” или “денежные суррогаты”, обращение которых запрещено по закону, не могут считаться деньгами в юридическом смысле...»³⁵ Тем самым, фактически сформулирован общий принцип возможности и пределов использования негосударственных денег в качестве средств обращения и платежа.

На основе скрупулезного анализа научного наследия Л.А. Лунца в интересующей нас части, можно констатировать, что этой монографической работой фактически завершается теоретическая разработка вопросов, связанных с денежным обращением и валютным регулированием, которая осуществлялась им на протяжении двух десятков лет. Конечно, автор этой статьи отдает себе отчет в том, что тема денег в его научных трудах рассматривается исключительно в увязке с денежными обязательствами и порядком их исполнения, что дополнительно свидетельствует о сугубо цивилистической направленности его научного интереса, который в более поздний период всецело захватил его. Тем не менее целый ряд его научных суждений и выводов о деньгах, включая вопросы категорирования законных платежных средств, денежных знаков, денежных единиц и денежных систем, безусловно, обогатило науку финансового права в целом и права денежного обращения в частности. Это обусловлено наличием тесного взаимодействия частного и публичного правового регулирования общественных отношений, складывающихся по поводу денег, на что указывают отдельные представители современной науки гражданского права³⁶. В любом случае следует помнить, что именно Л.А. Лунцу принадлежит хорошо известная представителям науки финансового права фраза о том, что «одним из основных начал публичного права всех стран является суверенитет государства в области денежного обращения»³⁷. С учетом этого, вряд ли можно в полной мере согласиться с излишне категоричным и безадресным суждением, что наличие частноправовой теории денег «тормозит развитие теории финансово-правового регулирования денежной сферы»³⁸.

Принимая все это во внимание, трудно переоценить значение его целостного юридического учения о деньгах, которое вне всяких сомнений относится к разряду величайших теоретических результатов отечественной правовой науки. Примеров признания в наши дни его научных заслуг юридическим сообществом в этой части предостаточно. Так, в предисловии к современному изданию, содержание которого составлено из двух упомянутых выше монографий, отмечается, что работы, посвященные проблеме денег и денежных обязательств, занимают особое место в его творческом наследии. Разработкой данной темы он занимался на протяжении значительного отрезка жизни и создал труды, которые с полным основанием можно назвать классическими. Практически до настоящего времени его книги остаются единственным капитальным исследованием, поэтому научному направлению в таком широком аспекте, которое не утратило своей актуальности до настоящего момента³⁹.

³⁴ Там же. С. 159–160.

³⁵ Там же. С. 169–170.

³⁶ См. подробнее: *Синицын С.А.* Виндикация, реституция и кондикция: проблемы соотношения // Законодательство. 2003. № 8.

³⁷ См. подробнее: *Кучеров И.И.* Право денежной эмиссии и его реализация // Финансовое право. 2015. № 3. С. 3–8.

³⁸ См.: *Назаров В.Н.* О классификации денежных отношений и предмете денежного права // Финансовое право. 2012. № 8. С. 2–7.

³⁹ См.: *Шерстобитов А.Е., Белевич А.В.* Разработка Л.А. Лунцем проблем денег и денежных обязательств // Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М.: Статут, 1999. С. 19.

В различных современных публикациях отмечается его несомненный вклад в разработку конкретных вопросов денежного обращения с позиций права. Так, его имя многократно упоминается в связи с проведенным обстоятельным анализом известных теорий денег⁴⁰. Наряду с этим, отмечается, что Л.А. Лунц выделял в качестве основного элемента его юридического учения разграничение двух понятий денег, одно из которых являлось общим для права и экономической науки, а второе имело специальный юридический смысл. Подобный подход и в наши дни продолжает оставаться актуальным с точки зрения уяснения проблемных вопросов теории денег⁴¹. Обращает на себя внимание произведенная им юридическая идентификация специальных законных платежных средств и денежных суррогатов⁴². С его именем связывается также исследование правовых аспектов безналичных расчетов⁴³. В юридической литературе отмечается и проработка вопросов, связанных с международными расчетами⁴⁴. Нельзя не отметить, что актуальность рассмотренного юридического учения о деньгах сохраняется и поныне. Имеются примеры, когда авторы обращаются к его работам даже при рассмотрении вопросов, обусловленных возникновением денег в цифровой форме⁴⁵. Все это указывает на исключительную востребованность его научного наследия.

В качестве итоговой характеристики творческого этапа профессора Л.А. Лунца, необходимо отметить, что в совокупности, представленные в настоящем издании научные труды, безусловно, представляют собой ценнейший теоретический материал, рельефно отражающий его мудрый авторский взгляд относительно правового регулирования сферы денежных отношений. Их значение для науки публичного и частного права трудно переоценить. Произведенные им умозаключения, сформулированные выводы и тщательно подобранные в их обоснование аргументы навечно будут служить источником насущных знаний, образцовым примером кропотливого труда и преданности науке, как для нынешних российских правоведов, так и для будущих их поколений.

⁴⁰ См., например: *Башикатов М.Л.* Современная теория денег с точки зрения классической германской догматики: генезис и современные вызовы // *Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики* (сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Е.А. Суханова). М., 2018.

⁴¹ См.: *Сидорова В.Н.* Цифровой экономике необходимы новые принципы (на примере оборота денег как юридического объекта с экономическими функциями) // *Право и цифровая экономика*. 2020. № 1.

⁴² См. подробнее: *Кичеров И.И.* Денежные суррогаты и иные квазиденежные платежные средства // *Финансовое право*. 2012. № 2. С. 2–5.

⁴³ См.: *Турбанов А.В.* Понятие денег в эпоху цифровизации // *Актуальные проблемы российского права*. 2021. № 6. С. 58–76.

⁴⁴ См.: *Иванова Т.А.* Международные денежные расчеты во внешнеэкономических отношениях // *Юрист*. 2020. № 8. С. 50–53.

⁴⁵ См., например: *Янковский Р.М.* Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2020. № 4.

Юридическая природа расчетного знака

Денежное обращение и кредит. Труды секции по вопросам денежного обращения и кредита.

Том 1

Денежное обращение в России и за границей в годы войны и революции (1914–1921 гг.)

Под редакцией С.В. Воронина и К.Ф. Шмелева

Петроград: ИЭИ НКФ, 1922

Доклад Л.А. Лунца, прочитанный 12 августа 1921 г

Приведенный ниже доклад, читанный в Институте Экономических Исследований 12 августа 1921 г., пытается разрешить вопрос о том, могут ли «расчетные знаки» служить средством ликвидации иностранной задолженности, выраженной в российской валюте.

Утвердительное разрешение вопроса основывается на анализе юридической природы расчетного знака; этот анализ, в свою очередь, базируется: 1) на юридико-историческом обзоре законодательных актов по денежному обращению со времени приостановки размена кредитных билетов на золото (т. е. с июля 1914 г.) по июль 1921 г.; 2) на теоретических соображениях о юридическом существовании денег.

Изложенная в докладе точка зрения в настоящее время может быть подтверждена ссылкой на судебную практику, а именно на решение Британского Высшего Суда (по Канцлерскому Отделению) от 4 ноября 1921 г. (The Times Law Reports. Nov. 18.21, p. 65).

Истец – «Британский Акц. Банк для внешней торговли» в июне 1914 г. получил в заем у ответчика – «Русского Торгово-Промышленн. Банка» сумму в 750 000 российских рублей, в обеспечение коих приказал брюссельскому банку Crédit Anversois держать в распоряжении ответчика принадлежащие ему – истцу – разного рода ценные бумаги.

Вопрос о ликвидации займа возник лишь по окончании мировой войны, так как в течение этого времени заложенные ценные бумаги, находившиеся в оккупированном немцами Брюсселе, не могли быть возвращены истцу.

Поверенный ответчика утверждал, что долг может быть погашен лишь золотыми рублями. Суд, однако, признал возможным погасить долг бумажными рублями образца, имеющего хождение в России в момент постановления судебного решения: было, таким образом, признано, что «расчетный знак» может служить в Англии средством ликвидации старой рублевой задолженности.

Кое-что из доклада в настоящее время может показаться анахронизмом, гл. обр., § 5 – о циркуляторном применении расчетного знака в качестве орудия обмена и кредита. Думается, однако, что юридические вопросы, намеченные в этом параграфе, не лишены некоторого практического значения и в настоящее время.

I

Выяснение юридической природы расчетного знака, несомненно, имеет как теоретический, так и практический интерес. Оно, как будет показано далее, обнаруживает, что «расчетный знак» есть денежный знак в подлинном смысле слова, юридически связанный со всем тем, что еще осталось от свободного товарообмена, т. е. связанный с остатками не огосударственного хозяйства.

Практическое же значение выдвинутого вопроса выступает с наибольшей силой в области международных расчетов. Советское Правительство имеет за границей кредиторов по государственным займам и частным сделкам, которые были заключены с иностранцами Царским и Временным Правительствами, либо частными предприятиями, ныне национализированными. В настоящее время в отношении Англии принципиально признана ответственность Российского Правительства по этим долговым обязательствам.

Многие из названных займов и сделок заключены в российской валюте. Могут ли они быть погашены платежом «расчетных знаков Р.С.Ф.С.Р.»? Вопрос заключается не в том, какая сумма расчетных знаков требуется для погашения старого денежного долга, выраженного в рублях – большая, чем номинальная сумма старого долга, или равная этой сумме. Нас интересует вопрос, могут ли вообще ныне выпускаемые деньги служить средством международных расчетов по сделкам, возникшим до октябрьского переворота? Для ответа на этот вопрос требуется исследование юридической природы расчетного знака.

II

В чем заключается существо денег с юридической точки зрения?

Если принять шестичленную формулу Гельфериха, деньги исполняют в обороте функции: 1) средства обмена, 2) платежа по отсроченным обязательствам, 3) средства предоставления капитала, 4) единого мерила ценности, 5) средства перенесения ценности в пространстве (с места на место) и 6) – во времени (орудие накопления). Три последние функции денег могут быть охарактеризованы, как функции производные и второстепенные. Меновая ценность всякого предмета, в том числе и денег, есть результат состоявшегося обмена, а посему способность денег иметь ценность и служить мерилom ценности есть результат их способности быть средством обмена. Служить орудием перенесения ценности во времени и пространстве деньги могут лишь потому, что они являются средством обмена, платежа и предоставления капитала. Но из этих последних трех функций, которые взаимно обуславливают друг друга и посему могут быть названы основными, *юридически* первичною функциею денег является их способность быть *законным платежным средством*, орудием погашения отсроченных долгов. Функции денег, как средства обмена и предоставления капитала, носят преимущественно экономический характер; в обоих случаях дело идет о свободном соглашении сторон, по самой природе своей исключаящем принудительную норму: нельзя говорить о законном средстве обмена или о законном средстве предоставления капитала, потому что закон не в состоянии предписать, что должно служить средством обмена, добровольно совершаемого.

Зато в отношении способности погашать отсроченные долги правовое регулирование не только *возможно*, оно прямо *необходимо*. Оно возможно, потому что здесь дело идет о принуждении должника к платежу и о принуждении верителя к принятию платежа в определенной форме. Оно необходимо, потому что с тех пор, как деньги перестали быть кусочками металла, взвешиваемого при производстве платежа, счетная денежная единица стала условной формой, которая может получить конкретное содержание лишь в порядке правового регулирования.

То, чему государство сообщает юридическое свойство законного платежного средства, становится за сим фактически средством обмена и предоставления капитала, получает циркуляторное применение. Но как быть, если государство, создавая деньги, как средство погашения отсроченных долгов, препятствует засим их циркулярному применению в качестве орудий обмена и предоставления капитала. Такое именно явление мы наблюдаем со времени октябрьского переворота: уничтожение кредитных учреждений, частной собственности на землю и на огромное большинство городских недвижимостей, постепенное огосударствление промышленных предприятий и замена торговли большинством предметов государственным их распределением – весь этот опыт последних лет приводит к заключению, что к двум названным

функциям денег – орудие обмена и кредита – право *может* иметь отношение, но *лишь с отрицательной стороны*, поскольку оно в порядке правовых велений суживает товарный и денежный рынок.

Вот почему при анализе юридической природы расчетного знака необходимо не только рассмотреть его особенности, как законного платежного средства, но и задаться вопросом о том, в какой мере расчетный знак является орудием обмена и предоставления капитала, оставляет ли законодательство Советской России какое-либо, хотя бы и очень ограниченное, место для циркулярного применения денег в области кредита и юридически свободного выбора хозяйственных благ.

III

Юридические особенности расчетного знака выясняются из истории его образования, а эта последняя непосредственно примыкает, внутренне связана с историей государственного кредитного билета после начала мировой войны.

До начала войны валютарным денежным знаком был золотой рубль. Рядом с ним госуд. кр. билет, имевший хождение по всей Империи наравне с золотой монетой, был *провизорным* денежным знаком, так как Госуд. Банк разменивал г. к. билеты на золотую монету без ограничения суммы. Кред. билет был своего рода ценною бумагой, воплощавшей в себе требование его держателя к Госуд. Банку на определенную сумму золотых рублей, требование, которое было обеспечено всем достоянием государства, строгим соотношением размеров эмиссии к золотому запасу и соответствием выпусков настоятельным потребностям оборота.

(Свод. Законов т. XI ч. 2 раздел 3 изд. 1903, ст. 1–4).

С началом мировой войны *эмиссия становится средством финансирования государства*. «Высочайше утвержденное положение Совета Министров» от 23 июля 1914 г. и закон от 27 того же месяца и года приостанавливают размен госуд. кр. билетов на золото (Собр. Узак. ст. 2063 и 2096), но приостанавливают его «временно», впредь до минования чрезвычайных обстоятельств, вызванных войною. Вместе с тем на 1 200 000 000 р. было увеличено эмиссионное право Гос. Банка, которое засим дополнительно расширилось три раза при Царском Правительстве и пять раз при Временном Правительстве.

(При Царск. Правительстве: 1) закон от 22 августа 1915 г. – Собр. Узак. ст. 1796–7; 2) Полож. Совета Министров от 29 августа 1916 г. – С.У. ст. 1862; 3) то же от 27 декабря 1916 г. – С.У. ст. 2842. При Временном Правительстве: 1) указ. от 4 марта 1917 г. – С.У. ст. 349; 2) постановление от 15 мая – С.У. ст. 639; 3) то же от 11 июля – С.У. ст. 951; 4) – от 7 сентября – С.У. ст. 1537 и 5) – от 6 октября – С.У. ст. 1807).

Приостановка размена сделала г. к. билет валютарным денежным знаком, а временный характер этой приостановки дает основание утверждать, что притязание на размен было подвергнуто своего рода мораториуму.

Постановлениями от 26 апреля и 22 августа (С.У. ст. 697 и 1564) Временное Правительство объявило о выпуске в обращение новых г. к. билетов тысячерублевого и двухсот пятидесятирублевого достоинств, а другим постановлением от 22 августа (С.У. 1505) – о выпуске в обращение в качестве временной меры, вызванной чрезвычайными обстоятельствами, казначейских знаков 20 и 40 – рублевого достоинств, так называемых керенок, на которых стоит остановиться подробнее, так как они являются прообразом расчетных знаков.

Керенки – это бумажные деньги в чистом виде. Нет обязательства размена, хотя бы подвергнутого мораториуму; отпадает, следовательно, вопрос обеспечения размена золотом и достоянием государства.

Нет контингентирования эмиссии. Если в отношении порядка выпуска в обращение казначейские знаки приравнены к г. к. билетам, если эмиссия совершается тем же Г. Банком,

то он в данном случае действует, как *технический аппарат Г. Казначейства: выпуск Банком казначейских знаков не может создавать никакого долга последнему со стороны Г. Казначейства*, а посему, между прочим, представляется совершенно неправильным распоряжение Правительства, чтобы казначейские знаки вместе с г. к. билетами показывались на балансах Г. Банка (ст. 3 пост. от 22 авг. С.У. 1505). Однако керенки так же, как и г. к. билеты, были объявлены обязательными к приему в платежи как в казну, так и между частными лицами на неограниченную сумму. Это, следовательно, валютарные бумажные деньги в чистом виде. И то обстоятельство, что здесь отпали все рассмотренные нами выше особенности к. билетов, не уменьшает их юридического значения, как денег, т. е. их значения законного платежного средства. Разменность действительная или временно приостановленная, обеспеченная депозитом бл. металлов, передача эмиссии Банку, как особому юридическому лицу с неприкосновенным имуществом – все это, по терминологии Кнаппа, лишь гило- и экзодромия – приемы финансовой политики, направленной к поддержанию цены золота и иностранной валюты на определенном уровне.

Существо денег в юридическом смысле это не затрагивает. Керенки – неразменное законное платежное средство на неограниченную сумму, и этого достаточно для того, чтобы их признать валютарными деньгами.

IV

После октября 1917 г. продолжается выпуск г. к. билетов образцов Царского и Временного Правительств и казначейских знаков. Засим, декретом С.Н.К. от 16/II-1918 г. (С.У. 331) и постановлением Н.К.Ф. от 30/V-18 (С.У. 509) предписывается Г. Банку выпустить в обращение облигации займа свободы не свыше сторублевого достоинства, купоны госуд. % бумаг сроком по 1/XII-17, серии Г. Казначейства всех достоинств и краткосрочн. обязательств Г. Казначейства сроком по 1/XI-19. Все эти ценные бумаги принимаются в платеж по номиналу.

Декретом С.Н.К. от 4/II-19 (С.У. ст. 102) предоставляется Нар. Банку выпускать в обращение *денежные знаки под названием расчетных знаков Р.С.Ф.С.Р. 1, 2 и 3-рублевого достоинства*. Декретом от 15 мая 1919 г. (С.У. 179, 269) выпускаются новые *кредитные билеты образца 1918 г.* (в 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 500 и 1000 р.), причем мотивом изменения образца служит то, что *«существующий образец совершенно не соответствует по своей форме началам нового государственного строя России»*. Однако старые ден. знаки сохраняют свою платежную силу, причем Н.К.Ф. предоставляется назначить сроки и определять порядок изъятия их из обращения. Такого изъятия из обращения на самом деле до сих пор не было.

Декретом от 21/X-19 (С.У. 506) выпускаются *расчетные знаки Р.С.Ф.С.Р. достоинством в 15, 30 и 60 рублей и кредитные билеты в 5000 и 10 000 р.*; декретом от 4 марта 1920 г. (ст. 89) расчетные знаки Р.С.Ф.С.Р. в 100, 250, 500, 1000, 5000 и 10 000 р., которые также преследуют цель «дальнейшей замены обращающихся в стране денежных знаков различных образцов знаками, соответствующими по своему виду новым советским формам государственного строя России». Наконец, еще три декрета: 1) от 25/XI-1920 г. (С.У. 496) о выпуске *денежных знаков под названием расчетных знаков* в 1, 3, 5, 10, 25 и 50 р.; 2) о *нов. денежн. знаках* в 100, 200, 250, 500, 1000, 5000, 10 000 р. под названием расчетных знаков Р.С.Ф.С.Р. – декрет от 16/VI-1921 г. (Изв. В.Ц.И.К. № 134), 3) декрет от 30 июля 1921 г. (Изв. В.Ц.И.К. от 2 августа № 168), коим постановлено «в целях облегчения торгового и промышл. оборота» выпустить в обращение новые денежн. знаки в 25 000, 50 000 и 100 000 рублей.

Меняется образец, меняется внешний вид знака, — увеличиваются купюры, но не меняется юридическая сущность: все перечисленные разнообразные знаки обладают законной платежной силой без ограничения суммы. Различие в названиях – расчетный знак или г. к. билет,

как видно из приведенных в самих декретах мотивов, которые руководили заменой одних образцов другими, не имеет ровно никакого юридического значения.

Подобно керенкам Временного Правительства – *вся эмиссия не контингентирована*. Правда, декретом от 26/X-1918 г. (С.У. 913) было постановлено увеличить эмиссионное право Нар. банка на 33 миллиарда 500 миллионов руб., с отнесением в счет этой суммы всех к. билетов, выпущенных Банком сверх установленного предшествующими законодательными актами предела эмиссионного права, но этот весьма сомнительный в отношении своей точности способ контингентирования был впоследствии (декр. от 15/V-1919 г. (С.У. 179)⁴⁶) заменен указанием на возможность выпускать денежные знаки «в пределах действительной потребности народного хозяйства». Есть все основания полагать, что пределы эти диктовались исключительно работоспособностью печатного станка Н.К.Ф.

Засим, все выпущенные, па основании перечисленных декретов, денежные знаки являются неразменными в собственном смысле. Прежде всего ни в одном из соотв. декретов нигде не говорится о размене, засим аннулирование государственных займов (декр. В.Ц.И.К. 21/I-18 – С.У. 353), старых обязательств государственных предприятий в отношении третьих лиц (4/IV-19 С.У. 108), претензий к государству, связанных с мировой войной (28/VII-19 С.У. 370), изъятие из части, собственности благородных металлов (декр. от 3/I-21 С.У. 37), – все это дает основание утверждать, что идея госуд. обязательства размена на золото совершенно не вяжется с правовым стилем эпохи: посему нельзя предполагать здесь подвергнутое мораториуму обязательство размена. Что касается кредитных билетов, выпущенных до октября 1917 г., то можно с уверенностью сказать, что Советское Правительство не считает себя ответственным за обещание Царского Правительства восстановить размен. Правда, в договорах с Латвией (ст. XVI), Польшей (ст. XIX), Литвой (ст. XII и. 2) и Эстонией (ст. XII п. 2), а также по договору с Финляндией (ст. 25) Советское Правительство признало, что Россия освобождает эти страны от ответственности по обязательствам, возникшим из выпуска денежных знаков, и что в долях, касающихся этих государств, соответственные претензии должны быть направлены против России. Но от этого далеко до признания принципа разменности старых билетов, разменности, хотя бы и приостановленной: права третьих лиц этим не устанавливаются.

При принципиальной неразменности выпускаемых денежных знаков и неконтингентированной эмиссии отпадает, разумеется, момент металлического обеспечения. Золото служит для других целей. Если на расчетных знаках написано – «обеспечивается всем достоянием Республики», то юридического значения это не имеет никакого.

Труднее решить вопрос о том, какое значение имел практиковавшийся до упразднения гос. кредитных учреждений порядок выпуска денежных знаков через посредство Нарбанка (напр., декрет 4/11 и 15/V-1919 г.). Надо полагать, что это было простым распределением функций; то обстоятельство, что эмиссия, согласно названных декретов, отражалась на балансах Н. Банка, не создавало долга Банку со стороны Казначейства: при отсутствии финансовой политики, направленной к регулированию курса рубля, при принципиальном отрицании такой политики, существование государственного эмиссионного банка, как самостоятельного юридического лица, не имело бы никакого смысла. Вопрос этот, впрочем, вовсе устраняется слиянием Н. Банка с Д.Г. Казначейства (декретом 4/V-19 г. «Эк. Жизнь» № 94), упразднением Н. Банка и передачею всего его актива и пассива Ц. Бюджетно-Расчетному Управлению (декр. 19/I-20 г. С.У. ст. 25), в состав которого, между прочим, включены «фабрики изготовления госуд. знаков» и которому надлежит «регулировать выпуск в обращение расчетных (денежных) знаков» (Приказ Н.К.Ф. от 20/I-20 г. № 6 Изв. Н.К.Ф. № 2 от 20 г.).

⁴⁶ То же указание на «действит. потребность в ден. знак. народного хозяйства Республики, содержится в упомянутом выше декрете от 30 июля с. г.

Таким образом, все денежные знаки, выпущенные советской властью, по своей юридической природе совершенно идентичны.

Отпали все нормы, вызванные стремлением регулировать денежное обращение. Осталась лишь законная платежная сила без ограничения суммы для всех образцов и купюр.

Это первое – при обычных обстоятельствах – единственное условие для того, чтобы признать пригодность денежного знака для международных расчетов; ибо *денежный знак приобретает и утрачивает качество законного платежного средства лишь в силу законодательства той страны, где он должен исполнять эту функцию.*

В этом «номиналисты» сошлись бы с «металлистами» – Кнапп и Гельферих с Савиным и Беккером.

Различие их заключается в том, что первые считают закон единственным источником для определения также и *степени* платежной силы денег, тогда как последние полагают, что, хотя качество законного платежного средства деньги получают от государства, но степень их платежной силы зависит от оборота. Весь спор заключается в том, определяется ли государством лишь *Auszahlungsmodus* – средство исполнения денежного обязательства – или также и *Wertinhalt* – ценностное его содержание.

Таким образом, и для «номиналиста», и для «металлиста» будет одинаково приемлемым, если мы скажем, что декрет о присвоении денежному знаку законной платежной силы без ограничения суммы обязателен и для заграничных кредиторов.

Вторым условием, как уже было отмечено в начале настоящего доклада, является юридическая возможность циркуляторного применения денег (в качестве орудия обмена и кредита). На этом втором условии необходимо теперь остановиться.

V

Идеологи пролетарской диктатуры отмечают экономическую связь современного денежного обращения с остатками индивидуализма в народном хозяйстве. 7 ноября 1920 г. Ларин пишет в «Экономической Жизни» (№ 250): «Деньги, как единое мерило ценности, уже не существуют вовсе». Деньги, как средство обращения, могут быть упразднены уже в значительной степени...

Деньги, как средство платежа, окончат свое умирание, когда Советское государство разрешит задачу о натурализации своих отношений с крестьянством в области заготовки сельскохозяйственных продуктов ... и когда фактически увеличение всяких пайков рабочим и служащим избавит их от необходимости бегать по Сухаревым. Исходя из этих же предпосылок, Преображенский полемизирует с Лариным, упрекая его в «неосновательном оптимизме»: «ремесло, говорит он (“Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры” Госуд. Изд. 1920 г. стр. 82, примечание), не будет вытеснено в несколько лет социалистической крупною промышленностью, а потому и торговля между кустарем и крестьянством будет существовать значительный промежуток времени».

Мысль о том, что деньги в социализованной части производства не только в будущем, но и в настоящем не должны играть никакой роли и что существуют они вообще лишь постольку, поскольку в народном хозяйстве сохраняется индивидуалистический момент, получила выражение в декретах.

В отношениях между советскими учреждениями и предприятиями намечались все время два направления законодательства, которые взаимно дополняют и ограничивают друг друга: 1) регулирование расчетов между советскими учреждениями в связи с централизацией учреждений и проведением единства кассы, 2) государственное финансирование на сметных основаниях, которое отодвигает расчеты на второй план и приводит в значительной части к их упразднению.

Рядом декретов⁴⁷ постановлено, что все денежные средства, находящиеся в заведывании и хранении советских учреждений и должностных лиц, должны вноситься в кассы Нар. Банка или Гос. Казначейства (позднее Ц.Б.-Р.У.). Расчеты совершаются бухгалтерским путем без участия денежных знаков посредством оборотных ассигновок – из кредита учреждения – потребителя в доход казны по соответствующему подразделению сметы учреждения – производителя. Параллельно с этим декрет о финансировании государственных предприятий (от 4/IV-19 г. С.У. 107) предписывает все *денежные поступления* вносить в доход казны, расходы же совершать исключительно по сметам, каковой порядок засим получил более точное определение в сметных правилах от 2 4/V-19 г. (С.У. ст. 318).

Все это лишний раз подчеркивает отсутствие у отдельных национализированных предприятий качества самостоятельных юридических лиц: момент расчетов утрачивает юридическое значение. Хотя цены отпускаемых предметов принципиально и должны исчисляться по себестоимости, но ввиду полной невозможности определить таковую расчеты не могут отражать участия в общей производительности того или др. предприятия. Постепенно они начинают отменяться – в отношении телеграмм и проч. почтовых и телеграфных услуг, пользование телефоном, водопроводом, канализацией и проч., а главное топливом – 11/X-20 г. (С.У. 422), 4/XII— 20 г. (С.У. 505); 23/XII-20 г. (С.У. 539); 23/XII-20 г. (С.У. 1921 ст. 20); 27/I-20 г. (С.У. ст. 47).

Известно, что фактически денежные расчеты между учреждениями играли гораздо большую роль, нежели того желали декреты, но интересно отметить стремление изгнать деньги из сферы междуправительственных отношений.

Та же тенденция до последнего времени обнаруживалась и в области взаимоотношений учреждений с гражданами.

Сначала здесь господствовала система так называемых твердых цен, которые с усилением работы печатного станка утратили всякое реальное значение; ибо деньги в Советской России вовсе не служат чеками или талонами на получение распределяемых товаров и услуг; в противоположность легитимационным свидетельствам, расчетный знак не удостоверяет никакого права на получение товара: свобода выбора хозяйственных благ здесь носит чисто фактический характер и зависит от конкретной экономической обстановки.

Вот почему перечисленные выше декреты, которыми отменялись некоторые междуправительственные расчеты, упраздняли также и платность государственных услуг.

В настоящее время вступают на путь восстановления платности этих услуг (см. декрет о железнодорожном сообщении Изв. В.Ц.И.К. от 14 июля 1921, № 152). Имеется ли в виду переход к эксплуатации на коммерческих основаниях, могут ли подобные меры служить делу оздоровления денежного обращения – об этом говорить здесь не место. Мы ограничиваемся юридической, т. е. преимущественно формальной, стороной вопроса. Для суждения о той роли, которую хотят дать деньгам в огосударственной части народного хозяйства, этот декрет и последующие также не дают данных.

Посему мы вправе заключать, что до сих пор из этой огосударственной сферы деньги и денежные расчеты последовательно и постепенно устранялись как во взаимоотношениях между учреждениями и ведомствами, так и в отношениях между государством и гражданами.

Но деньги все время играли роль в несоциализованной части мелкого производства и распределения и это не только фактически – поскольку существовала «Сухаревка» и существует «Трубная» – но и юридически. В деле борьбы с частной инициативой декреты действовали *перечневым методом*; – сначала социализация земли; засим национализация банков, муниципализация огромного большинства городских недвижимостей, запрещение сделок с теми, которые остались в частной собственности; огосударствление крупных предприятий,

⁴⁷ 2/V-18 г. С.У. ст. 460, 23/I-19 г. С.У. ст. 22, 15/VII-20 г. С.У. ст. 305.

отдельные акты о национализации более мелких, – монополизация ряда продуктов, объявление исключительных прав государственным достоянием – все это, силою вещей, не могло быть сделано сразу, растянулось на ряд лет: сфера легального обмена постепенно суживалась, суживалась очень сильно, но принципиально для так называемого переходного периода не отрицалась.

В свободном обмене принуждены были участвовать и советские учреждения, и предприятия, которым разрешалось (декр. от 23/I-19 г. С.У. ст. 22) приобретать немонополизированные товары у частных поставщиков, если их нельзя было достать в соотв. распределителе, и только декретом от 15/VII-20 г. (С.У. 305) было запрещено сов. учреждениям приобретение предметов производства у частных производителей иначе, как по твердым ценам. Высшего пункта достигли ограничения частного рынка во второй половине 1920 г., когда советским учреждениям и предприятиям воспрещено было приглашать капиталистов, уполномоченных и подрядчиков для производства каких-либо работ и заданий (28/XI-20 г. С.У. 21 г. ст. 29). В последнее время ввиду неуспехов социализованного производства власть легализовала часть так называемой спекулятивной торговли, которая фактически никогда не умирала. Это началось с декрета от 28/III с. г. (ст. 119 С.У.) о свободном обмене, покупке и продаже сельскохозяйственных продуктов в губерниях, закончивших разверстку, и продолжалось декретом от 24/V-21 г. (Изв. В.Ц.И.К. № 116), который объявил свободу продажи сельскохозяйственных продуктов, а также изделий кустарной и мелкой промышленности, остающихся после натуралога⁴⁸. Отношение законодательства к вольному рынку отражалось все время в декретах, непосредственно касавшихся вопроса о деньгах.

Во вторую половину 1920 г. – в период, когда вольный рынок был обставлен наибольшими стеснениями, было запрещено частным лицам иметь наличные суммы, превышавшие двадцатикратную минимальную для данной местности тарифную ставку (декр. о рекв. и конф. от 20 июля 1920 г. Изв. В.Ц.И.К. 163). Декрет от 3/I-21 г. (С.У. ст. 37), отменяя это контингентирование, угрожает принудительным взносам на текущий счет тем, кто обладает значительными денежными суммами, внушающими подозрение в приобретении их спекулятивным путем – впредь до разрешения Народным Судом вопроса об их происхождении. Наконец, 30 июля с. г. С.Н.К. (Изв. В.ЦИ. К. № 145) отменяет всякое ограничение сумм имеющих хождение в Р.С.Ф.С.Р. денежных знаков, могущих находиться на руках у частных лиц и организаций.

Таким образом, не касаясь экономических и финансовых вопросов современного денежного обращения, можно сказать, что с юридической, в данной случае, впрочем, чисто формальной, стороны советские декреты не *создавали ограничений, которые вовсе бы исключали применение российских денежных знаков в качестве орудия обмена и мелкого кредита*. А это вместе с законной платежной силой этих знаков, о которой речь была выше, является вполне достаточным для признания их способности погашать заграничные денежные обязательства, заключенные в российской валюте.

VI

Попытаемся теперь суммировать кратко все, к чему пришли в результате исследования юридической природы расчетного знака.

Предпосылки

⁴⁸ Рядом последующих декретов так называемый новый курс получил еще большее выражение. В настоящее время С.Н.К. далее новую эмиссию – 25 000–50 000 и 100 000 расчета знаков мотивирует интересами оборота. В соотв. декр. (от 30 июля с. г. см. выше) говорится: «В целях облегчения торгового и промышленного оборота выпустить в обращение ден. знак крупн. достоинств на след. основ.».

Мы исходим из следующих предпосылок:

1. Юридически первичною функцией денег является их способность погашать отсроченные долги.

2. Регулирование эмиссии может осложнять конкретный денежный знак различными особенностями (разменность на золото, контингентирование выпусков и т. д.), но существом этого знака, с точки зрения права, все же остается присвоенная ему законная платежная сила.

3. К остальным функциям денег⁴⁹ право может иметь отношение, но лишь отрицательной стороны, поскольку оно суживает сферу частноправового обмена и кредита.

4. Если два первые положения относятся к давно уже признанным началам учения о деньгах, то третье положение выдвигается лишь историей денежного обращения после октября 1917 г. и имеет большое практическое значение при обсуждении вопроса о юридической пригодности расчетного знака для ликвидации нашей заграничной задолженности.

Основные положения

5. Все выпущенные советскою властью денежные знаки по своей юридической природе абсолютно тождественны: изменение названий («расчетный знак» вместо «государственный кредитный билет») не имеет ровно никакого юридического значения.

6. Денежный знак Советской России есть типичный образец бумажных денег; его главная особенность по сравнению с дооктябрьским рублем абсолютная неразменность, тогда как неразменность рубля эпохи мировой войны носила временный характер – требование размена было подвергнуто своего рода мораторию.

7. Обсуждаемый денежный знак постепенно утрачивает связь с национализированной частью народного хозяйства. Расчеты между национализированными предприятиями, по мере того, как последние утрачивают характер самостоятельных юридических лиц, теряют правовое значение, становятся лишь бухгалтерскими перечислениями, которые засим постепенно упраздняются; исключительное значение остается за сметным финансированием. Во взаимоотношениях между властью и гражданами до последнего времени намечалось стремление вовсе устранить денежные расчеты.

8. Денежные знаки Советской России теснейшим образом связаны с остатками частноправового хозяйства. Сфера легального обмена постепенно ограничивалась – ограничивалась очень сильно, но не была совершенно уничтожена.

9. Денежные знаки Советской России могут быть употреблены в качестве средства погашения заграничных денежных обязательств, выраженных в российской валюте. Вопрос о том, *какая сумма* расчетных знаков требуется для погашения старого денежного долга, выраженного в рублях, должен служить предметом самостоятельного исследования.

⁴⁹ Орудие обмена, кредита и т. д.

Система действующего валютного законодательства

Революционная законность. 1926. № 15–18. С. 54–56.

Советское законодательство об операциях с иностранною валютою и валютными ценностями представляет не только практический, но и теоретический интерес: интерес этот определяется тою связью, которую имеют мероприятия валютного характера с политикой в сфере денежного обращения и внешней торговли.

По действующему праву, иностранная валюта является товаром, обращение которого строго регламентировано законом. Орудием же обращения валюта служит лишь по сделкам внешней торговли. Валютное законодательство в настоящее время представляет собою довольно стройную систему норм, которые было бы весьма целесообразно подвергнуть согласованию и объединению в одном законе (т. е. кодифицировать). Эта кодификация в первоначальном виде была произведена Институтом Экономических Исследований НКФ под руководством проф. А.В. Венедиктова (Ленинград). Проект А.В. Венедиктова подвергся засим коренной переработке в Валютном Управлении НКФ Союза в связи главным образом с теми новеллами, которые имели место в 1925 г. В настоящей заметке мы, однако имеем в виду дать не изложение проекта кодекса, а характеристику системы действующих норм.

В период так называемого военного коммунизма, т. е. до конца 1921 г. благородные металлы и иностранная валюта принадлежали к предметам, изъятым из гражданского оборота. Иностранная валюта подлежала реквизиции с оплатою советскими денежными знаками по официально установленному курсу.

Мероприятия эти шли в унисон с уничтожением гражданского оборота и с заменою его централизованным коммунистическим хозяйством. Они были связаны также с абсолютною монополиею, которая в то время принадлежала Народному Комиссариату Внешней Торговли в области международных торговых сделок, а засим, и с тем болезненным состоянием, в котором тогда находилось денежное обращение Советской России: вследствие уничтожения денежных налогов, ввиду бесплатности государственных услуг все расходы правительства покрывались эмиссиею бумажных, так называемых советских денежных знаков, которые непрерывно падали в цене. Борьба с эмиссионным налогом нередко выражалась в форме приобретения валюты, которая, таким образом, могла бы вытеснить национальные деньги из сферы гражданского оборота, поскольку оборот этот еще не был заменен плановым распределением принадлежащих государству продуктов первой необходимости и предметов потребления – и сделать невозможным дальнейшее эмиссионное финансирование государственного бюджета.

«Новая экономическая политика», которая вызвала довольно значительный внутригосударственный гражданский оборот и сильно оживила международную торговлю Союза, не могла не вызвать изменений в области законодательства о внешней торговле и в области денежного обращения.

Право самостоятельного выхода на внешний рынок было предоставлено целому ряду крупных государственных и кооперативных организаций. В области денежного обращения отметим выпускки банковых билетов Государственным Банком (на основании декр. от 11 октября 1922 г.): банковые билеты выпускаются в червонцах, обеспечиваются депозитами ценностей в названном Банке, отличаются устойчивостью в своей покупательной силе. Весной 1924 г. денежная реформа была завершена выпуском устойчивых денежных знаков достоинством менее одного червонца: государственных казначейских билетов, а также серебряных и медных монет, эмиссия коих контингентирована и производится в определенном соотношении с выпуском банковых билетов. «Советские денежные знаки» были демонетизированы и выкуплены в казну.

Указанные реформы вызвали изменения в сфере валютного законодательства. Отныне законодательство это могло иметь целью лишь увеличение валютных ресурсов Государственного и других правительственных банков в интересах обеспечения эмиссии банкнот и финансирования внешней торговли государственных и кооперативных организаций. Задачи эти оказались неосуществимыми в порядке принудительной реквизиции иностранной валюты; необходимо было допустить развитие валютного и фондового рынка; при этом дальнейшая эволюция шла в направлении все большего и большего ограничения мер административного воздействия, которые заменялись мероприятиями оперативного регулирования валютного рынка.

В настоящее время золото и серебро в монете, слитках и изделиях, наличная иностранная валюта, а также выписанные в иностранной валюте векселя, чеки и переводы (платежные документы) могут быть предметом права собственности в неограниченном количестве и на любую сумму (декрет от 4 апр. 1922 г., – С.У. 22 г. ст. 318 – ст. 54 Гражд. кодекса). Сделки с благородными металлами в слитках и изделиях совершаются неограниченно на общих основаниях. Что же касается сделок с золотой и серебряной монетой дореволюционного чекана, с иностранной валютой (понимая под последнюю также и выписанные в инвалюту платежные документы), то таковые допускаются лишь в пределах и порядке установленных специальными узаконениями (ст. 24 Гр. код.).

В порядке специального узаконения разрешено продавать золото и серебро в монете дореволюционного чекана Государственному Банку. Можно также закладывать и сдавать на текущий счет золотую и серебряную монету Госбанку, а равно сдавать их последнему по курсу в оплату переводов за границу. Остальные сделки с этими предметами остались запрещенными (С.У. 22 ст. 318, ст. 310).

Иностранная валюта и выписанные в иностранной валюте платежные документы, допущенные к обращению в определенных законом рамках (ст. 24, прим. к ст. 181 Гр. к., а также ст. 87 Гр. к.). Рамки эти очерчены декретами от 15 февр. 1923 года о валютных операциях (Собр. Узак. 23 г. ст. 189), от 17 июля 1925 г. о торговле фондовыми и валютными ценностями (Собр. Зак. 25 г. ст. 330) и Положением от 2 октября 1925 г. о товарных и фондовых биржах (Собр. Зак. 25 г. ст. 511). Руководящие правила изложены даже в Инструкции к названному декрету от 15/II-23 г. с последующими изменениями (С.У. 23 ст. 475 и Изв. ЦИК от 18/II-1925 г.).

Сущность этих положений может быть сведена к следующему:

Производство и прием платежей в иностранной валюте разрешается *лишь по сделкам внешней торговли с учреждениями и предприятиями, находящимися за границей*; при этом представляется спорным, возможны ли валютные расчеты и платежи в пределах Союза по сделкам международной торговли. Вызывает также сомнения вопрос о том, запрещено ли исчисление платежей в иностранной валюте с уплатой в рублях по курсу на соответствующую валюту; также прямое запрещение установлено лишь по договорам о праве застройки, о займе и по векселям, писанным в Союзе с платежом в Союзе (ст. 73 и 210 и соотв. ст. положения о векселях 1922); с другой стороны, по некоторым видам пошлин и сборов, закон устанавливает прямое разрешение валютных платежей (таможенные платежи, портовые, лоцманские и консульские сборы. (С.У. 21 ст. 243; 1922 г. ст. 232; 22 г. ст. 259; 22 г. ст. 762; 23 г. ст. 849; С.З. 25 г. ст. 53 п. 166).

Покупка и продажа валютных ценностей (иностранной валюты, выписанных в иностранной валюте платежных документов и благородных металлов в слитках и изделиях) разрешается свободно на общих основаниях, установленных для имущества, не изъятых из гражданского оборота с соблюдением, однако, нижеследующих правил:

а) Покупка и продажа иностранной валюты⁵⁰ на биржах производится с соблюдением порядка, установленного для совершения биржевых операций.

⁵⁰ Понятие «иностранной валюты» по советскому закону (так же, как и в иностранном праве) обнимает собою не только

б) Государственные, коммунальные и кооперативные предприятия, коим законом или их уставом не представлено право на производство операций с иностранной валютой, могут покупать и продавать иностранную валюту, а также золото и серебро в слитках лишь с разрешения Особого Валютного Совещания при НКФ Союза и его местных органов. Разрешения Особ. Вал. Совещания выдаются либо в виде общих разрешений на постоянное совершение указанных сделок, либо в виде специальных разрешений на отдельные операции. Отказ Особ. Вал. Совещаний в выдаче разрешения может быть обжалован в Совете Труда и Обороне.

в) В случае необходимости продать имеющуюся в их распоряжении иностранную валюту государственные, коммунальные и кооперативные учреждения и предприятия обязаны предложить ее Госуд. Банку СССР для покупки. Частные лица и предприятия, в случае необходимости продажи иностранной валюты, полученной ими от экспортных операций, также обязаны предложить таковую Государственному Банку. На заявления, подаваемые до 12 час. дня, Государственный Банк должен давать ответ о принятии или отклонении предложения в тот же день; на заявления, подаваемые после 12 час. дня – не позднее 12 час. следующего рабочего дня. Расчет за купленную валюту производится Государственным Банком по курсу не ниже курса покупателей на предыдущий день, согласно бюллетеня Котировальной Комиссии местной фондовой биржи. В случае отказа Государственного Банка от покупки валюты, таковая может быть продана на общих основаниях, изложенных выше (п. п. «а» и «б»).

Хранение иностранной валюты. Иностранная валюта может быть вносима во вклады и на текущий счет в Государственный Банк и другие кредитные учреждения, имеющие право на совершение валютных операций. При этом допускается выплата процентов в валюте счета (пост. ЦИК и СНК Союза от 30/X-25 г. С.З. 574). В пределах Союза все государственные, коммунальные и кооперативные предприятия и учреждения обязаны держать всю имеющуюся в их распоряжении иностранную валюту на текущем счету в Государственном Банке или других кредитных учреждениях, имеющих право на совершение валютных операций, при чем эти последние кредитные учреждения обязаны держать упомянутые вклады на текущем счету в Государственном Банке. Частные лица обязаны держать на текущем счету в указанном порядке лишь валюту, полученную ими от экспортных операций (Пост. ВЦИК и СНК от 19/II-23 г. см. выше). О порядке хранения инвалюты за границей – торгпредствами. Центросоюзом и кредитными учреждениями – см. пост. СНК Союза от 7/VIII-25 г. (С.У. 24 г. ст. 206).

Ввоз, вывоз и перевод валютных ценностей регулируется особыми правилами Пост. СНК СССР от 23/X-23 г. (С.У. 24 г. ст. 82), от 19/V-24 г. (С.У. 24 г. ст. 643), от 12 IX-24 г. (С.З. 24 г. ст. 106), от 14/IV-26 г. (Изв. ЦИК № 86) и Инструкция от 5/XII-24 г. (Вестн. Фин. 25 г. № 23), которые могут быть сведены к следующему:

а) Разрешается свободный ввоз и пересылка в почтовых отправлениях иностранной валюты из-за границы в пределы Союза (Цирк. НКПиТ от 28/XI-23 г. № 24/178; Бюлл. НКПиТ № 46 от 8/XII-23 г.). Однако Наркомфину предоставляется право устанавливать ограничения в отношении отдельных видов иностранной валюты.

Поступающие из-за границы переводы в иностранной валюте, совершаемые через кредитные учреждения, выплачиваются кредитными учреждениями, имеющими право на совершение соответствующих операций, без ограничения суммы в валюте перевода либо, по соглашению с получателем, в валюте Союза по курсу дня. (На этот счет было Особ. Объявление от НКФ.)

б) Ввозимая российская золотая монета дореволюционного образца подлежит сдаче в таможенные учреждения для дальнейшей передачи в Госбанк, с выплатой сдающему лицу ее

стоимости по курсу дня. Ввоз российской серебряной монеты дореволюционного образца воспрещен вовсе (С.У. 24 г. ст. 643).

в) Вывоз валютных ценностей выезжающими за границу лицами допускается без особого разрешения при том условии, чтобы общая сумма вывозимых ценностей не превышала 300 рублей на одно лицо и сверх того 150 рублей на каждого члена семейства, выезжающего по паспорту главы семьи. Вывоз валютных ценностей лицами, кои подходят под действие особых на сей предмет международных соглашений, регулируется нормами, предусмотренными означенными соглашениями. Особому Валютному Совещанию предоставляется в уважительных случаях разрешать вывоз валютных ценностей за границу и сверх вышеуказанных норм.

Вывоз и пересылка за границу российской зол. и серебр. монеты дореволюционного образца допускается независимо от суммы лишь по специальным разрешениям НКФ Союза. Отметим тут же, что пересылка вышеупомянутой монеты в почтовых отправлениях внутри СССР также воспрещена под страхом конфискации (С.У. 24 г. ст. 613).

г) Перевод и пересылка валютных ценностей за границу разрешаются на следующих основаниях: 1) перевод и пересылка валютных ценностей до 100 руб. в месяц на одно лицо производятся через Государственный Банк и др. кредитные учреждения, имеющие право на совершение соответствующей операции. Сверх этой нормы право перевода и пересылки валютных ценностей за границу по операциям, совершаемым за свой счет и от своего имени, предоставляется без особых разрешений и без ограничений суммы Государственному Банку, Банку для Внешней Торговли, центральным органам Народного Комиссариата Финансов, Народного Комиссариата Внешней и Внутренней Торговли и госторгов Союзных Республик. 2) Для ведущих операции по внешней торговле смешанных акц. о-в, государственных и кооперативных организаций, имеющих право самостоятельного выхода на внешний рынок, а также для всех прочих кредитных установлений, имеющих право производства валютных операций (кроме Госбанка и Внешторга), лимит перевода и пересылки валютных ценностей за границу устанавливается Особым Валютным Совещанием. 3) Перевод и пересылка за границу валютные ценности свыше 100 руб. в месяц всеми остальными учреждениями, предприятиями и лицами, а равно упомянутыми выше учреждениями и предприятиями, сверх предоставленных им льгот, производится по разрешениям Особого Валютного Совещания, которое выдает указанные разрешения при условии представления доказательств необходимости перевода или пересылки валютных ценностей для оплаты ввозимых товаров, покрытия накладных торговых расходов, выполнения ведомственных поручений и т. д. 4) Лицам, приезжающим из-за границы с целью временного пребывания на территории Союза и привозящим с собою или получающим через посредство кредитных учреждений иностранную валюту, разрешается беспрепятственно вывезти за границу или перевести через кредитные учреждения равное количество ввезенной или полученной валюты в течение двух месяцев со дня въезда в пределы Союза. 5) Относительно пересылки золотой и серебряной монеты дореволюционного образца как за границу, так и в пределах Союза см. выше. 6) Незаконно провозимая иностранная валюта конфискуется таможенными органами, как контрабанда, причем, в случае невозможности реализации документов в иностранной валюте (именные чеки и тратты, аккредитивы и т. д.) в доход казны взыскивается стоимость таковых ценностей по официальному курсу – во всех случаях с начислением штрафа, согласно ст. 262 Таможен. Уст. Союза (С.З. 25 г. ст. 53).

В целях учета оборотов иностранной валюты ряд правил устанавливает обязанность для государственных, коммунальных, кооперативных и частных предприятий, обязанных публичной отчетностью, представлять в определенные сроки и по определенной форме сведения в НКФ Союза относительно имеющегося у них запаса иностранной валюты, а также сведения о валютных операциях. (Инстр. НКФ, НКВТ и ВСНХ от 18/I-24 г. о порядке и формах отчетности по производству валюты, операций Вестн. Финансов от 1/II-24 г. № 11).

В заключение отметим, что валютное законодательство относится к компетенции Союзного Правительства, так как оно должно быть отнесено к области мероприятий, связанных с укреплением денежной системы (ст. 1, п. «м» Союзной Конституции). Кодификация этого законодательства возможна также лишь в порядке общесоюзного закона.

Валютный вопрос в практике международных расчетов по облигационным займам

Москва: Фин. изд-во, 1926. – 12 с.

В послевоенных международных расчетах по облигационным займам валютная проблема по удельному своему весу имеет несомненно, первостепенное значение.

Основные вопросы, здесь возникающие, сводятся к следующему:

I. Как определяется расчетная денежная единица по облигациям, снабженным паритетами нескольких валют?

II. Может ли при обсуждаемых расчетах держатель облигации требовать учета падения покупательной силы денежной единицы?

III. Какое значение в международных расчетах имеют законы о переоценке денежных обязательств, изданные в некоторых государствах, в которых произошло полное обесценение довоенной денежной единицы.

Вопросы эти будут рассмотрены нами в отношении к облигационным займам как публично-правовым (выпущенным государствами, городскими самоуправлениями и публичными учреждениями), так и частноправовым (выпущенным банками, торговыми и промышленными предприятиями). То обстоятельство, что по займам государств или городов в качестве должника выступает юридическое лицо, являющееся вместе с тем носителем публичной власти, – не имеет значения при обсуждении вопроса о материальных правах кредиторов – держателей облигаций. Особенности публичных займов коренятся главным образом в процессуальной стороне вопроса: по государственным займам возможна репудияция, одностороннее изменение условий займа; по займам этим невозможно без согласия должника судебное разбирательство, немыслимо обращение взыскания на имущество должника и т. д. Но эта процессуальная сторона проблемы выходит за пределы нашего исследования.

Из юридической литературы по интересующим нас вопросам особого внимания заслуживают следующие работы: Jèze. *La monnaie de paiement dans les contrats entre particuliers et dans les emprunts publics d'Etat*. Paris, 1923. – Mater. *Traité juridique de la monnaie et du change*. Paris, 1925. – Schkaff. *La dépréciation monétaire, ses effets en droit privé*. Paris, 1926. – Scaduto. *I dabit pecuniari e il deprezzamento monetario*. Milano, 1924. И, наконец, Nussbaum. *Das Geld in Theorie und Praxis des deutschen und ausländischen Rechts*. Tübingen, 1925 (наиболее полное и теоретически ценное из новейших юридических исследований о деньгах и денежных обязательствах).

Вопрос о переоценке денежных обязательств по германскому праву разработан с почти исчерпывающей полнотой в комментарии Mùgel'a: *Das gesamte Aufwertungs recht*. Berlin, 1925.

I. Как определяется расчетная денежная единица по облигациям, снабженным паритетами нескольких валют.

По займам, снабженным паритетом нескольких валют, возникает вопрос: кому принадлежит право выбора валюты расчета – должнику или кредитору (держателю облигации)? До мировой войны вопрос это не имел особого практического значения, так как действительные курсы валют лишь незначительно отклонялись от паритетов, обозначенным на займах. В настоящее же время ввиду различной степени обесценения этих валют вопрос о правовом значении паритетов, обозначенных на займах, имеет первостепенное значение.

Возьмем в качестве примера *Российский 5 %-ный государственный заем 1906 г.*

В указе от 4-го апреля 1906 года министру финансов о выпуске Российского 5 % государственного займа 1906 года говорится: «Выпустить 5 % государственный заем на нарицательный капитал в 843 750 000 рублей, равных 2 250 000 000 франков, равных 1 818 000 000

имперских германских марок, равных 1 075 500 000 голл. гульденов, равных 89 325 000 ф. ст., равных 2 133 000 000 австро-венгерских крон на следующих основаниях:

Облигации сего займа выпускаются именные и на предъявителя достоинством в 500, 2 500 и 5 000 франков, считая каждые 500 франков равными 187 р. 50 к., равными 404 имперским германских марок, равными 239 голл. гульд., равными 19 ф. ст. 17 шилл., равными 474 австро-венгерских крон.

Уплата процентов и выплата капиталов по вышедшим в тираж облигациям производится в России рублями в учреждениях Госуд. банка, во Франции – франками, в Голландии – голландскими гульденами, в Англии – фунтами стерлингов и в Австро-Венгрии – австро-венгерскими кронами, на местах, вами для сего назначенных».

Здесь, таким образом, общая сумма выпускаемого займа обозначена в рублях и нескольких иностранных валютах; достоинства отдельных облигаций также определены в рублях и в иностранных валютах; кроме того, введено условие о том, что по месту уплаты процентов и выплаты капитала (в учреждениях Гос. Банка, во Франции, в Англии и т. д.) определяется также и валюта расчета (в рублях, франках, фунтах и так далее по установленному твердому паритету).

В отношении подобных займов ряд юристов (Jéze, Mater, Nussbaum) утверждает, что правоотношения по таким облигациям нельзя рассматривать как альтернативные обязательства с правом выбора объекта исполнения для дебитора, ибо валютирование займа в иностранной денежной единице может иметь смысл лишь как мера, обеспечивающая интерес подписчиков на заем – держателей облигаций. В трудах названных авторов приводится судебная практика по займам крупных промышленных предприятий, выпускавших облигации с паритетами иностранных валют. Французская практика склоняется к тому, что держатель займа может выбрать место и валюту расчета, несмотря на то, что со времени выпуска займов некоторые из обозначенных на облигациях валют обесценились в весьма значительной степени. (См., напр., решение Гражд. трибун. Сены Реш. 24 января 1922 г.; приведено у Шкаффа, стр. 222.)

Нам представляется, что в современных валютных условиях весь вопрос о выборе валюты расчета подлежит пересмотру: здесь необходимо учесть те перемены, которые произошли во время мировой войны и позднее, после заключения мирных договоров.

Еще задолго до войны ряд государств считали возможным по соображениям финансовой политики вносить изменения в условиях займов в той их части, которая устанавливала валюту расчета.

Особый интерес в этом отношении представляют займы Италии и Испании.

Италия в 1906 году предприняла конверсию своих двух займов, выпущенных в 1863 году.

Купоны нового 3,5 % займа 1906 года должны были оплачиваться в Италии лирами, а также в Париже, Лондоне, Берлине и Вене по курсу дня в золотых франках, фунтах стерлингов, марках и кронах.

Так как заем 1906 года выпущен был в одной серии для итальянцев и иностранцев, то первые получили возможность пользования льготой платежа в иностранной валюте; они пользовались этой льготой путем отсылки своих купонов заграничным банкам для инкассо. Эти операции не раз ставили итальянскую казну в затруднительное положение особенно в периоды падения курса лиры, когда трудно было накапливать нужные фонды иностранной валюты. В целях ограничения выплаты иностранной валюты лишь теми случаями, когда собственниками бумаг являются иностранцы, итальянское правительство объявило, что заграничные банки, оплачивающие купоны, обязаны отбирать у предъявителей купонов особую письменную присягу в том, что предъявитель купона не является итальянским подданным – *affidavit*. Это ограничение имело место дважды в 1875 году (продолжало действовать до 1881 года) и в 1894 году (продолжает действовать и по настоящее время с перерывом от 1904 до 1915 года).

Еще более любопытным примером affidavit'a является история испанских внешних займов. По испанскому закону 29 мая 1882 года выпущен был 3 %-ный облигационный внешний заем. Купоны этого займа должны были оплачиваться в Лондоне, Париже, а позднее, также и в Берлине в фунтах стерлингов, франках и марках по твердому паритету этих валют в отношении пезеты.

Испано-американская война, вызвавшая значительное обесценение пезеты, принудила испанское правительство в 1898 г. объявить affidavit, коим испанские граждане лишены были права получать платежи в иностранных валютах по установленному паритету. При оплате купонов в банке за границей требовали предъявления и самих облигаций, на которых представитель испанского казначейства ставил свой штампель с обозначением места его наложения. Это штампелевание имело своим результатом окончательную привязку – домицилирование – облигаций к той стране, где был наложен штампель; ныне место оплаты купона уже не зависит от кредитора, который, таким образом, лишен своего права выбрать одну из валют платежа, обозначенных на облигации: держатель облигации с французским штампелем может получить лишь франки, с английским лишь фунты и т. д.

После мировой войны 1914–1918 годов вопрос о выборе держателем облигаций валюты расчетов получил особое значение. Международная практика, почерпнутая нами из газетных источников, дает следующий материал:

Облигационные займы южно-американских государств (см. Fifth Annual Report of the Council of the Corporation of Foreign Bondholders 1923 и статью К.А. Кузнецова «Фин. прав. особенности публичных займов» «Вест. Фин.» в № 10, 1925).

Между правительством Коста Рика и французскими держателями займа 1911 года возникло разногласие о валюте расчета по этому займу. По первоначальным условиям платежи должны были происходить в Лондоне в фунт. стерл., в Нью-Йорке в амер. долларах, в Амстердаме – в гульденах, в Париже – во франках и в Берлине – в герм. марках. Правительство решило французским держателям платить только во франках и национальная ассоциация держателей в Париже начала дело во французском суде об аннулировании этого решения правительства Коста Рика, которое лишает держателей права выбора одной из валют, обозначенных на облигациях.

В настоящее время между комитетом французских держателей и правительством Коста Рики состоялось компромиссное соглашение. Правительство обязалось выкупить все имеющиеся в наличности обязательства из расчета 50 за 500 фр. Это не бумажный, но и далеко не золотой франк.

Отказ в предоставлении держателям права выбора валюты расчета со стороны южно-американских должников составляет общее явление: аргентинская провинция Мендоза в июне 1921 года заявила о намерении заем оплатить во франках, а не в аргентинских пезо, которые также были обозначены на облигациях и стоят значительно крепче франков.

Аргентинская провинция Сан-Хуан предложила в марте 1923 года погасить заем 1909 года, выпущенный в пезо, во франках и в марках, посредством марок, которые в то время еще представляли некоторую ценность.

Провинция Буэнос-Айрес по декрету 31 мая 1922 года постановила приступить к досрочному погашению своего внешнего 5 % займа 1923 года, исходя из 500 бумажных франков за облигацию.

По облигациям 1912 года общество земельного кредита острова Куба, предупреждая требование кредиторов об уплате в полноценной валюте, объявило, что желает воспользоваться предусмотренным в контракте правом досрочного выкупа. Вследствие этого был намерен выкуп облигаций, оставшихся в обращении. Выкупная цена была назначена в 500 бум. Франков. Эти попытки не остались без возражений.

При национальной ассоциации французских держателей ценностей образован комитет по защите золотого характера займа порта Баха (Южная Америка); комитет стремится доказать тождество оснований расчета с французскими и английскими держателями (*Information Financière* 15 января 1926 года) с тем, чтобы французы были поставлены в одинаковое положение с англичанами и не несли убытков от обесценения франка. По сведениям *Information Financière* от 17 ноября 1924 года Гаити платит французским держателям по своим займам во франках по номиналу, против чего также заявлены протесты со стороны держателей.

В Европе представляет интерес практика турецких, сербских и болгарских займов⁵¹.

Оттоманский 4 % заем 1909 года с паритетом на франки, германские марки и турецкие фунты был выпущен в ноябре 1909 года в Лондоне и Париже. На конференции в Лозанне при обсуждении вопроса о разверстании турецкого долга между Турцией и государствами, к коим отошли турецкие территории, французы отказали в приеме платежей во франках по номиналу. Греция же заявила, что если туркам будет разрешено платить в обесцененной валюте, то Греция потребует той же льготы (*L'Economiste fr.* 7 июля 1923 года, *Information Financière* от 13 октября 1924 года).

В настоящее время переговоры о ликвидации задолженности ведутся непосредственно с обществом держателей. В декабре 1925 года последовал разрыв; в начале текущего года, по сведениям *Information Financière*, переговоры вновь возобновляются. По поводу переговоров с французскими держателями состоялось интервью представителей прессы с турецким министром Закиай Беем (в Лондоне 16 февраля 1925 года): З. Бей заявил, что он считает претензии французских держателей необоснованными; надо иметь в виду намерение сторон при заключении договора; «намерения эти заключаются не в том, чтобы снять с держателей всякий риск колебания курса, а в том, чтобы предоставить им – при условии устойчивого курса – платежи в их национальной валюте» (см. Шкафф, стр. 220).

Наконец, *Financial News* 18 февраля 1926 г. сообщают, что французские, английские и итальянские держатели турецких займов соглашаются на редукцию платежей до 40 % номинала в твердой валюте, на что представители Турции еще не дали ответа.

Долг Югославии. Югославия расплачивается с английскими держателями в фунтах, а с французами в бумажных франках. По этому поводу (по сербскому 4 % займу 1895 г.) французский министр финансов сделал в Палате заявление, согласно которому французское правительство «поддержит справедливые претензии французских граждан, когда к нему официально обратятся».

Далее министр сообщил, что несколько раз уполномоченный французских держателей в Белграде делал соответствующие заявления министру финансов Югославии, которые, однако остались безрезультатными; министерство иностранных дел уполномочило французского посланника «в Белграде сделать предложение сербскому правительству *о необходимости уравнивать права французских подданных с английскими держателями тех же облигаций 4 % займа 1895 года*».

По сведениям *Berliner Börsen Courier* от 21 января 1926 года, Югославия ведет в настоящее время переговоры в Париже об основаниях расчета по своим займам.

Болгарские займы. В 1920–1921 годов состоялось соглашение болгарского правительства с французскими держателями 6 % займа 1892 года, снабженного паритетами фунта ст., франка и австр. кроны; по этому соглашению платежи впредь должны были производиться не в твердой валюте, а во франках. Срок этому соглашению истек 1-го апреля 1924 года. Купоны декабря 1923 года займа 1909 года были уже оплачены при протесте держателей во франках, платежи же

⁵¹ Что касается валютного вопроса по старым австро-венгерским займам, то он представляет значительный интерес, но требует рассмотрения в специальном очерке в виду тесной связи его с проблемой распределения австро-венгерского долга между государствами-преемниками.

по январскому купону 1924 года займа 1892 года вовсе не были произведены, ввиду решения французских держателей займа 1896 года не принимать платежи из этого расчета (обесценение к этому времени франка). В феврале 1924 года стало известно, что болгарское правительство командировало специальных представителей для переговоров с держателями. В результате этих переговоров держатели приняли следующее соглашение: по купонам займа 1892, срочным в 1924 и 1925 годов болгарское правительство будет платить французским, британским, датским, итальянским, бельгийским, швейцарским и испанским держателям 32 % номинальной стоимости купона в наименее обесценившейся валюте. Но эта льгота предоставлена лишь тем, кто докажет свое владение облигациями до 8 июля 1922 года (Fin. News 28 сентября 1925 года).

Приведенный материал довоенного и послевоенного времени необходимо дополнить данными о порядке оплаты купонов *российских займов* во время мировой войны в Англии, во Франции и Голландии.

Во Франции при оплате банками купонов от предъявителей требовалась подписка в том, что купоны отрезаны от бумаг, не принадлежащих неприятельским подданным. В сомнительных случаях банки предлагали владельцам предъявлять подлинные облигации, которые должны были быть до войны оплачены французским гербовым сбором.

В Англии главнейшими корреспондентами министерства финансов (Ротшильдами, Беринг, лондонским отделением Русского для Внешней Торговли банка) был установлен аналогичный порядок оплаты купонов; в тех случаях, когда облигации были у держателя на руках, обычно, требовалось представление удостоверения английского кредитного учреждения о том, что бумаги находились в Англии до начала войны.

В Голландии купоны могли быть оплачены лишь в том случае, если они принадлежали голландским подданным и были отрезаны от облигаций, снабженных еще до начала войны голландским штемпелем. Исключения были допущены лишь для русских граждан, жительствовавших в Голландии, для бельгийцев и для французских держателей тех русских облигаций, которые не были снабжены паритетом на франки; эти последние держатели могли получать платежи по купонам в Амстердаме при условии представления удостоверения от одного из французских корреспондентов российского министерства финансов в том, что бумаги принадлежат французскому гражданину и приобретены им до войны; удостоверение должно было быть визировано в русском консульстве в Париже.

Указанные мероприятия имели целью исключить возможность платежей враждебным иностранцам и, вообще, ограничить их сумму. Французское правительство этому содействовало, так как русские купоны оплачивались из кредитов, которые были открыты Францией России специально для этой цели.

Таким образом, за время войны иностранные держатели русских займов успели свыкнуться с необходимостью отказаться от арбитражных операций с купонами: держатели получали проценты в валюте своей собственной страны и считали, по-видимому, такой порядок обслуживания займа справедливым и вполне соответствующим изменившимся обстоятельствам; порядок этот не встретил возражений со стороны организаций держателей займов, со стороны же правительств союзных стран он встретил всемерную поддержку.

Сказанное приводит к следующим выводам:

1. Держатели займов с паритетами нескольких валют, выпущенных до войны, в настоящее время настаивают на предоставлении им расчета в наименее обесценившейся валюте. Должники соглашались на обслуживание займов из расчета национальной валюты держателя займа, но в некоторых случаях, под давлением могущественных кредиторов, соглашались на компромисс.

2. В отношении русских займов во время мировой войны сложился порядок, по которому держатели займов получали платежи в своей стране и в национальной валюте.

Мы полагаем, что точка зрения держателей займов не соответствует намерениям сторон, которые имели место при заключении договора (при выпуске облигаций).

Россия, Турция и балканские страны Европы, а также государства Южной Америки для размещения за границей своих облигационных займов принуждены были устанавливать для иностранных держателей гарантии расчета в твердой валюте. Таковыми твердыми валютами могли считаться лишь мировые валюты: фунт, доллар, франк и, отчасти, германская марка. Англия, Соед. Штаты, Франция и, отчасти, Германия, если и размещали свои займы за границей, то по общему правилу не вводили в облигации иностранных паритетов.

Обращаясь сразу к нескольким рынкам, и притом к рынкам тех государств, которые были богаты капиталами и обладали валютой мирового значения – Россия и другие – бедные капиталами страны обозначали на своих облигациях твердые паритеты валют тех государств, где займы выпускались, и устанавливали в каждом из таких государств место обслуживания займа. Это служило приманкой для крупных и мелких капиталистов: француз мог быть уверен в том, что он в Париже по купонам русского займа получит определенную заранее сумму франков, англичанину была дана аналогичная гарантия. *Гарантии эти были сформулированы так, что держателям займа предоставлено право выбора одной из валют, обозначенных на облигациях, но действительным намерением сторон было обеспечить для держателя платеж в определенной сумме его национальной валюты*; государство, город или промышленное предприятие обозначало на займе валюту лишь тех стран, в которых стремились привлечь подписчиков, а подписчики считали себя достаточно обеспеченными обещанием получать твердые платежи в своей национальной валюте: француз не сомневался в устойчивости франка и считал бы, например, предложенный ему платеж в аргентинских пезо (на праве получения которых он сейчас настаивает – см. выше) недостаточной гарантией, расчет же в долларах и фунтах менее для себя удобным.

Правда, близкие к банкам и бирже круги держателей прибегали и до войны к купонному арбитражу (посылали за границу на инкассо свои купоны в целях использования незначительных тогда курсовых колебаний) и должники этому не препятствовали; но если государство или предприятие предоставляли держателям своих займов или облигационерам полную свободу выбора между несколькими местами платежа и валютами расчета в эпоху, когда такая свобода не имела для должника серьезного значения – то можно ли сказать, что этот выбор держатели или облигационеры получили как право; можно ли утверждать, что, таким образом, установился обычай, который должен иметь действие в период валютного хаоса (еще далеко не изжитого), в период неодинаковой степени обесценения различных валют, обозначенных на облигациях.

Если гарантии, предоставленные держателям облигаций, надлежит определять по действительному намерению сторон в момент выпуска займов, а не на основании лишь тех лаконических формул, которые были изложены в проспектах и в тексте самих облигаций, то *при современных валютных условиях надо признать за держателем лишь право получения платежа в сумме его национальной валюты*, выписанной на облигации, купоне и т. п. и это, как максимум того, на что в настоящее время по праву можно рассчитывать.

II. Может ли держатель облигации требовать учета падения покупательной силы денежной единицы, в которой выражена облигация?

Вопрос о праве выбора валюты расчета имеет практическое значение лишь при соблюдении номиналистического принципа расчетов по денежным обязательствам (в частности, по облигационным займам): французские держатели потому и настаивали на расчете в фунтах стерл. или долларах, что не считали себя уполномоченными требовать учета падения покупательной силы франка; если бы они могли надеяться на такой учет, то вопрос о юридическом значении валютных паритетов, обозначенных на облигациях, потерял бы для них всякий интерес. Современная практика расчетов по облигационным займам служит новым доказа-

тельством принципа номинализма, который соблюдается как в тех случаях, когда кредиторами являются собственные граждане, так и в тех случаях, когда права требования принадлежат иностранцам. В дальнейшем мы попытаемся дать материал для общего теоретического и практического обоснования этого принципа. (Подробнее об этом сказано в нашей работе: «Деньги и денежные обязательства» под общей редакцией профессора А.Э. Вормса. Фин. Изд. 1926 г.)

Прежде всего отметим, что *по общему правилу* изменения в пределах какой-либо денежной системы, поскольку изменения эти не упраздняют самую денежную систему, не вводят новой денежной единицы, не влияют на содержание частноправовых обязательств (Nussbaum).

У нас, например, до войны денежной единицей был рубль, который выражал платежную силу различных денежных знаков (золотой монеты, кредитных билетов, серебряной и медной монеты). Долговое требование, выраженное в рублях, могло быть погашено любой из названных монет по усмотрению должника, с тем лишь ограничением, что серебряная и медная монеты не были обязательны к приему кредитором свыше определенной суммы. В начале войны размен кредитных билетов, а также серебряной и медной монеты на золото был приостановлен. Монеты исчезли из обращения. Кредитные билеты, *которые были выражены в том же рубле, в той же денежной единице*, остались. Их покупательная сила непрерывно падала, *но определенная законом платежная сила осталась неизменной*, т. е. долг, заключенный, например, в 1914 году с условием платежа в 1918 году, мог быть погашен той же суммой рублей. Произошли изменения в денежной системе, отпали мероприятия, направленные на поддержание покупательной силы рубля (размен на золото, ограничения выпуска кредитных билетов и проч.). Но *самая денежная единица осталась неизменной. И обязательства, выраженные в сумме этой денежной единицы, остались неизменными*. После введения новой денежной единицы (зол. рубля государственными казначейскими билетами), было установлено соотношение 1 зол. рубль гос. казначейскими билетами = 50 млрд стар. рублей, чем было лишь подтверждено обесценение старых денежных обязательств. Аналогичная картина была и в Германии, Австрии, Польше – во всех странах, в которых, после начала мировой войны, приостановлен был обмен банкнот центральных банков на золото и в которых обесценилась денежная единица. Поскольку закон в этих странах не устанавливал переоценки, постольку все старые обязательства, в виду крушения покупательной силы денежной единицы, потеряли всякое хозяйственное значение.

Принцип номинализма денежных обязательств может быть кратко выражен так: денежное обязательство имеет своим предметом денежные знаки, служащие законным платежным средством в момент исполнения обязательства, в той сумме денежных единиц, которая выражена в договоре.

Падение или повышение покупательной силы денежной единицы, в которой выражено обязательство, не принимается во внимание на тех же основаниях, как не может быть принято во внимание изменение цены любого другого предмета, который может быть объектом сделки: если, например, предметом займа служит определенное количество пудов зернового хлеба, то заемщик обязан вернуть займодавцу то же количество, которое он получил, независимо от последующего изменения цен на хлеб.

На указанной точке зрения стояла германская судебная практика до рурских событий 1923 года: в дальнейшем судебная практика отступила от номинализма по соображениям «доброй совести» (§ Герм. Гражд. Уложения). Юридическая литература (Nussbaum. Helfferich) решительно осудила такой подход, который противоречит формальным требованиям закона и внес полнейший хаос в гражданские отношения. Принцип номинализма есть формально правовое начало, от которого можно отступить лишь в силу прямого предписания закона.

На рассмотрении германского законодательства и практики мы остановимся ниже.

В настоящей главе попытаемся дать обзор законодательства и практики Франции, Англии и Соед. Штатов (см. Mater, Schkaff, Nussbaum).

Обзор законодательства и практики приводит к тому, что номинализм является общепризнанным правовым началом.

Во *Франции* мы находим наиболее четкую формулировку номинализма в знаменитой статье 1895 года Code Civil. Хотя статья эта говорит лишь о займе, но она исходит из общего положения. Picard (Clunet 1924 г. 919) в 1924 году утверждает, что французский суд никогда не отказался бы от этого начала по соображениям обесценения франка.

Французское законодательство доводит это начало до крайних пределов в ст. 1153 С.С.: даже при просрочке должника, последний платит лишь законные проценты, но не возмещает кредитору убытков, вследствие падения курса франка, происшедшего в связи с просрочкой.

Это крайнее выражение номинализма основано на старой французской доктрине.

Еще королевский эдикт 16 сентября 1602 года устанавливает обязательность к приему по номиналу монет, выпускаемых королем, несмотря на ухудшение их качества. В XVII веке Le Bret писал: государь имеет право повысить или понизить цену монеты, когда этого требуют обстоятельства. В XVIII веке Монтескье говорит: «серебро в монете имеет ту цену, которую определяет государь: он устанавливает соотношение между определенным количеством серебра в слитке и тем же количеством серебра в монете; он устанавливает соотношение между разными металлами, из коих чеканится монета; и, наконец, он определяет идеальную цену каждой монеты». Наконец, в ту же эпоху знаменитый Pothier пишет: «наше право основано на том принципе, что в отношении монеты существенным является не телесное свойство и размер монеты, а лишь цена, которую присвоил ей государь: In pecunia non corpora quis cogitat, sed quantitatem» (L. 94 § ID de solut, Schkaff (стр. 241)).

В этих суждениях чувствуется еще смешение двух моментов: *покупательной силы денег* (Wert), которая определяется оборотом, и *платежной силы* (Geltung), которая определяется государством.

В эпоху французской революции смешение это служило теоретическим основанием введения твердых цен на разные продукты (при сохранении свободной торговли).

В дальнейшем французское законодательство усваивает понятия законного платежного средства (cours légal) и принудительного курса (cours forcé): cours légal обязывает государственные кассы и частных лиц к приему монеты (денежного знака) в платежи по номиналу обозначенных на них денежных единиц. Cours forcé означает сохранение платежной силы по номиналу в отношении бумажных денег, неразменных на звонкую монету.

Старая доктрина принимает новую формулировку. Ст. 1895 ныне рассматривается как частный вывод из того общего принципа, что заемщик не несет риска от обесценения предмета займа (Planiol. Droit civil, tome II, § 2067).

Вместе с тем, статья эта сохраняет свое значение общего принципа для всех денежных обязательств (Schkaff, стр. 242).

Понятия cours légal и cours forcé легли в основу французского закона от 15/II-1848, которым была закреплена законная платежная сила банкнот Банка Франции (les billets de la Banque de France seront recus comme monnaie légale par les caisses publiques et par les particuliers) и, вместе с тем, был приостановлен обмен на монету этих билетов (Jusqu'à nouvel ordre la Banque est dispensée de l'obligation de rembourser ses billets avec des espreces).

Обмен был вскоре возобновлен, но законная платежная сила сохранилась до настоящего времени и лишь получила (в законе 17 ноября 1897 г.) новую формулировку: «Законная платежная сила – cours légal – может быть отменена только законом». Что касается принудительного курса – cours forcé, – то он действовал в период 1870–1878 гг. и действует ныне с 5 августа 1914 г., когда был приостановлен обмен банкнот на звонкую монету. В дополнение к сему 3 августа 1915 года запрещен был вывоз золота, а 25 сентября того же года – вывоз серебра. Сделки с золотой и серебряной монетой были запрещены 12 февраля 1916 г. (что означало запрещение покупки и продажи их по цене, превышающей номинал). Запрет экспорта ценных

бумаг и капиталов (3 апреля 1918 года) и импорта иностранных бумаг и уголовные кары за спекуляцию с целью понижения курса отечественных девиз (12 февраля 1924 года) дополняют эти мероприятия, направленные к поддержанию покупательной силы франка. Таким образом, *закон платёжную силу франка фиксирует точно, покупательную же её силу пытается поддержать путем сложной системы мероприятий*; но это последнее не удается: франк падает. Тем не менее расчеты по частным сделкам происходят по номиналу; так же ликвидирует государство свою задолженность, в частности, задолженность по облигационным займам.

Английское право еще до сих пор опирается на прецедент *Gilbert v. Brett* от 1602 года: долг подлежал погашению в Англии платежом «current and lawful money of England»; до наступления срока платежа распоряжением королевы Елизаветы было ухудшено металлическое содержание монеты; суд, однако, признал кредитора обязанным принять по номиналу ухудшенные монеты. Банкноты, обесценившиеся в силу *Bank Restriction Act 1797* г. на 40 %, подлежали принятию по номиналу. В 1833 году банкноты получили свойство *legal tender* (законного платёжного средства) при условии сохранения права размена на золото. Это обстоятельство послужило причиной тому, что размен на золото даже с началом мировой войны формально не был приостановлен, но фактически не производился: лицо, которое воспользовалось бы этим своим правом, подверглось бы общественному порицанию, что подорвало бы его кредит; в тогдашних условиях этого было достаточно. Несмотря на некоторое обесценение фунта, долги ликвидировались по номиналу.

Решение по делу *Gilbert v. Brett* послужило краеугольным камнем также для судебной практики *Соед. Штатов Сев. Америки*. Во время гражданской войны 1861–1865 гг., на основании *Legal Tender Acts 1862–63* гг., правительство выпускало бумажные деньги с принудительным курсом, которые в отношении звонкой монеты потерпели значительное обесценение. Американские суды не сомневались в том, что бумажные деньги являются, на основании *L.T. Acts*, обязательными к приему по номиналу: но самые *L.T.A.* в некоторых кругах рассматривались, как противоречащие 5 Добавлению к американской конституции, согласно которого: «Никто не может быть лишен свободы без законом установленного судебного разбирательства; частное имущество не может перейти к государству без справедливого возмещения».

Верховный суд в делах *Herburn v. Griswold 1867* года, *Knox v. Lee* и *Parker v. Davis 1870* г. решил этот вопрос: в 1867 признал *L.T. Acts* антиконституционными, а в 1870 стал на противоположную точку зрения. В мае 1878 Конгресс допустил новые выпуски бум. долларов с принудительным курсом. На сей раз Верховный Суд окончательно признал (в деле *Julliard v. Greenman 1884*) этот акт не противоречащим Конституции. Последнее определение суда является решающим для всей последующей судебной практики (см. *Nussbaum* стр. 130 и след., а также *American and English Encyclopedia of law XXII 539* слово: *payment*).

В отношении принудительного курса обесценившихся бумажных денег возникает один вопрос, в настоящее время имеющий весьма существенное значение: какое действие имеет принудительный курс в сфере международных расчетов; *можно ли сказать, что иностранные кредиторы обязаны на одинаковых основаниях с собственными гражданами принимать в платежи обесценившиеся бумажные деньги по их номиналу*.

По этому поводу надлежит заметить следующее: лицо, заключающее сделку в иностранной валюте, доверяет свою судьбу законодательству того государства, к которому относится валюта договора; только это последнее государство имеет возможность и право установить, какие денежные знаки и в какой степени являются платёжным средством по такому долгу. *Последующие изменения в денежной системе, если они даже вызывают обесценение денежной единицы, распространяются на все долги, выраженные в валюте данного государства, независимо от национальности участников соответственного договора, от места исполнения договора и от того, по какому законодательству обсуждается данное правоотношение*.

Это вытекает из номинальной сущности денежной единицы: марка, франк, рубль – всё это понятия, содержание которых определяется исключительно тем государством, которому принадлежит соответственная денежная система. Поэтому содержание рублевого долга (в отношении валюты расчета) можно обсуждать лишь по русскому (советскому) закону, содержание франкового долга – по французскому праву и т. д.

По этому вопросу Nussbaum говорит:

«В особенности в международном обороте лицо, заключающее сделку в чужой валюте, должно считаться с колебаниями этой валюты. Следует особенно подчеркнуть то обстоятельство, что лицо, избирающее чужую валюту, тем самым освобождает себя от действия колебаний всех других валют, в том числе и собственной валюты и связывает судьбу обязательства с судьбой этой избранной им валюты. Но участь валюты зависит от политических и экономических судеб данного государства.

Государство же в силу суверенитета в отношении денежного обращения, может приостановить размен на звонкую монету банкнот, выпускаемых его центральными банками и может снабдить эти банкноты принудительным курсом.

Вызванное этим обесценение касается всех лиц, заключивших сделку в данной валюте. Иностранные кредиторы тем менее могут жаловаться на несправедливость, что ведь в отдельном случае кредитор может оказаться и должником».

В германском и англосаксонском праве эти положения, по-видимому, не вызывают сомнений.

Так, в решении британского суда от 4 ноября 1921 года по делу Брит. акц. банка для внешней торговли против Лонд. отд. Русск. Торг. – Пром. банка признано, что ответчик, получивший заем в рублях в 1914 года может этот заем погасить в 1921 года в той же сумме рублей по номиналу и, притом, денежными знаками, имеющими хождение в Советской России в момент постановления решения. Сюда же относятся два английских судебных решения по договорам, выраженным в германских марках (см. *Wirtschaftsdienst* 25 г., № 49, статью Mendelssohn-Bartholdy): 1) по делу *Chestermans Trusts* 1923 года суд признал, что заем в германской валюте, заключенный до мировой войны, при отсутствии просрочки должника, погашается в 1923 года в обесцененных бумажных марках по номиналу, так как аналогичный порядок расчетов принят в самой Германии; 2) Решением от 23 ноября 1925 года Брит. верховный суд по делу *Андерсон против Американского страхового общества «Эквитебль»* признал, что страховой полис, выраженный в германских марках, хотя и без «*Goldclausel*», должен быть оплачен из расчета золотых марок, *так как новейшая германская практика отказалась от номинализма* и так как страховое общество в течение долгого времени (до 1922 года) исчисляло свою прибыль по подобным договорам исходя из довоенного паритета доллара и марки, не взирая на обесценение этой последней.

Но последнее решение в настоящее время отмечено Апелляционным Судом (*The Economist*, 20 февраля 1926 года), причем один из членов суда лорд Bankes заявил, что он принужден решить дело в пользу страхового общества (т. е. допустить расчет в обесцененных бумажных марках): судья выразил надежду, что общество, несмотря на решение, пойдет навстречу интересам истицы.

Во всех указанных случаях место платежа и национальность сторон не имели решающего значения: суд применял закон той страны, в валюте которой выражено обязательство.

То же положение принято, по-видимому, и во французском праве. Так, Парижский суд 31 октября 1922 года (реш. 31 окт. 1922 года, Nussbaum, стр. 141) признал, что француз, который должен был уплатить живущему в Лейпциге русскому определенную сумму марок за доставленный до войны товар, может уплатить свой долг марками по номиналу, несмотря на то, что марка к тому времени упала в цене до 1/1000 довоенной покупательной силы.

Интересно также решение Парижского суда 11 декабря 1921 года по иску гр. Гено к страховому обществу Урбэн; Гено – держатель страхового полиса, требует выплаты страхового вознаграждения, но суд ему отказывает на том основании, что страховая сумма выражена в рублях, в настоящее время обесценившихся.

Впрочем, во французской литературе замечается и противоположная тенденция; так, Jèze высказывается за территориальное действие *cours forcé*; иностранец не может, по его мнению, требовать тех «льгот», которые установлены началом номинализма. Нам, однако, думается, что эта точка зрения не соответствует французской практике и касается лишь тех сделок, по которым валюта расчета выражена в золотых франках: Франция во время войны объявила, что и такие долги ликвидируются бумажными франками по номиналу и что условие о платеже в золоте является недействительным. Целью закона было создать препятствие отливу золота из Французского банка. Но именно ввиду указанной цели закона суды отказались применять закон по сделкам, по которым должниками были иностранцы (так как здесь аннулирование условия о платеже в золоте противоречило бы цели закона). Так, в решении Кассационного Суда от 7 июня 1920 года говорится:

«Публичный правопорядок, который имеет в виду национальные интересы, заинтересован в принудительном курсе лишь постольку, поскольку дело идет о платеже между французскими гражданами; иностранец, являющийся должником в монете, которая определена договором, не может во Франции притязать на выгоды, вытекающие из принудительного курса... Соглашение о платеже в золотой монете, заключенное с иностранцем, исполнение коего имеет своим результатом приток во Францию золотой монеты, ни в коем случае не противоречит публичному правопорядку, который принуждает кредитора во Франции принять бумажные деньги, равные по своей легальной ценности монете, обусловленной по договору. Напротив того, такое соглашение (с иностранцем) вполне отвечает цели, которую преследовал законодатель (устанавливая принудительный курс для бумажных денег)». Ряд французских юристов (Schkaff, Wahl) полагают, что принцип, установленный этим решением, не заслуживает одобрения ни с точки зрения правовой (так как «*ordre public*» должен быть соблюден на всей территории Франции, не взирая на национальность и домицилий сторон), ни с точки зрения экономической целесообразности в широком ее понимании. К тому же односторонний характер принципа не удалось выдержать до конца: по соображениям справедливости французские суды высказались и за сохранение клаузулы о платеже в золоте по договорам, по которым *кредиторами* являются иностранцы (Schkaff, стр. 166). В результате во Франции сложилось воззрение, согласно которому принудительный курс бумажных денег по договорам, *заключенным в золоте*, не имеет применения при международных расчетах. Но эта практика – надо твердо помнить – не касается долгов, выраженных просто во франках без условия платежа в золотой монете.

Что касается валюты расчета по французским публичным займам, то здесь Франция не только внутри страны, но и за границей, отстаивает расчет в бумажных франках по номиналу. По этому поводу 4 августа 1925 года был запрос в палате общин: английские держатели требуют по французским займам национальной обороны расчета в твердой валюте. Черчилль ответил, что он «не в силах что-либо сделать» (The Times, 17 июля 1925 года).

Валютный вопрос подвергся весьма серьезному обсуждению в ряде судебных процессов в Каире, Александрии и Париже по искам облигационеров общества Суэцкого Канала к названному обществу (см. *Revue de droit bancaire*, 1925 года, № 3, 11 и 12). Облигации общества были выпущены во франках без указания места платежа. Во всех названных процессах общество проводило ту точку зрения, что местом платежа является Париж, а валютой расчета – бумажный франк по номиналу. Облигационеры настаивали на том, что местом платежа служит Египет, где одною из употребительных счетных единиц до сих пор является золотой франк, по установленному правительством твердому паритету 20 фр. = 77,15 пиастрам; обли-

гационеры считали, что обязательства выписаны в указанных «египетских франках» и требовали соответственного расчета: по этому расчету выходило, что за каждые 500 фр. Номинала общество должно уплатить 1 710 бумажных франков. Спор, таким образом, сводился к тому, в какой валюте надлежит считать выраженным обязательство: в «египетских» или французских франках.

Гражданский суд смешанного состава в Каире 26 января 1925 года решил дело в пользу облигационеров по следующим основаниям: общество домицилировано в Египте, так как здесь находится его административный центр; при отсутствии прямых указаний надлежит считать, что место платежа по облигациям общества совпадает с домицилем общества; франком в Египте считается определенная счетная единица, равная по ценности 1/20 части луидора (двадцатифранковой золотой монеты).

Апелляционная жалоба общества рассмотрена была Смеш. Трибуналом в Александрии 4 июля 1925 года, причем Александрийский суд полностью повторил мотивы суда первой инстанции с прибавлением следующего соображения: так как речь идет об иностранном держателе, то принудительный курс французского бумажного франка не имеет применения; принудительный курс вообще может иметь действие лишь на французской территории.

На противоположную точку зрения стал по такому же делу Гражданский суд округа Сены в решении от 1 апреля 1925 года по иску маркизы Де-Вокулер и ряда других облигационеров к обществу Суэцкого Канала. Суд признал, что общество домицилировано во Франции, так как в Париже находится пего Правление и так как общество зарегистрировано во Франции по французским законам; фактически центром финансового управления об-ва является Париж, а, следовательно, при сомнении, Париж является и местом платежа по облигациям и купонам. Далее в решении говорится: Место платежа определяет валюту расчета, когда представляется неясной воля сторон; в данном же случае воля сторон ясна; если в договоре говорится о франках, то для французских держателей выражение франк означает – французский франк; договор должно понимать так, что об-во Суэцкого Канала, обращаясь к французскому фондовому рынку в целях привлечения облигационеров, гарантировало платежи в французских франках, а французские держатели считали себя при этом условиями достаточно обеспеченными. Утверждение истицы, что облигации надлежит считать выраженными в золотых франках, также отвергнуто судом со ссылкой на ст. 1895 С.С. и ст. 577 египетского смеш. код., которые по содержанию своему совпадают. *Франк, без прямого указания в договоре, не может считаться золотым.* Суд здесь отмечает, что «противопоставление золотого и бумажного франка вообще неправомерно»; «концепция эта, которая противоречит правовой действительности (*réalité légale*), должна быть решительно отвергнута. Франция не знает другого денежного знака, кроме франка, того франка, который в настоящее время захвачен послевоенным кризисом, но обесценение которого неокончательное и может исправиться путем приближения к золотому паритету»; франк упал в своей покупательной силе, но «несмотря на это франк остался франком и тот, кто заключил договор во франках, не обязан предоставлять и не может требовать ничего другого».

Выступивший на суде представитель прокуратуры г. Фремикур заявил: «Облигационеры утверждают, что довоенный франк был франком золотым. Это неверно. Франк без соответственной квалификации (в договоре) не является франком золотым. Практика кассационного суда в этом отношении не оставляет сомнений. Мне скажут: вы хотите поддержать требования иностранного общества (т. е. общества иностранных капиталистов), против французских облигационеров, хотите защищать тезис, который противоречит интересам Франции. Вот мой ответ: страна богата не количеством золота, а кредитом, которым она пользуется – *нельзя делать правового различия для тех случаев, когда Франция является должником и для тех, когда она является кредитором.* В противном случае скажут: Франция хочет получать платежи в золоте, сама же хочет платить в бумажной валюте».

Эти слова являются убедительнейшим практическим обоснованием принципа номинализма при международных расчетах по облигационным займам.

В другом деле – об оплате облигаций порта Розарио (Бразилия) – тот же представитель прокуратуры Фремикур дал заключение в пользу облигационеров: признал, что облигации выражены в золотых франках. Но в этом случае основанием служило то, что в проспектах о выпуске облигаций был обещан платеж в золоте; так как общество домицилировано в Бразилии, то облигационеры управомочены требовать совершения платежей в Бразилии, где запрещение платежей в золоте (по договорам, заключенным в золотых франках) не имеет действия. – Не входя в обсуждение правильности этого решения отметим, что требование о расчете в золотых франках мотивировано здесь не «международным» характером долга (не тем, что должником является иностранец), а тем, что сами стороны при совершении договора обусловили платеж в золотых франках. Решение это, таким образом, отвечает на вопрос о пределах действия французского закона, запрещающего платежи в золоте. Оно вовсе не касается проблемы о влиянии падения ценности франка на расчеты по денежным обязательствам.

III. Обесценение марки и ревалоризация облигационных займов в Германии.

В период 1924/25 года в Германии был издан ряд законов о ревалоризации публично- и частноправовых денежных обязательств, в том числе и облигационных займов, выраженных в обесценившихся марках. Ревалоризационное законодательство и судебная практика имели место также и в других странах, в которых произошло почти полное обесценение валюты – в Польше, Литве и Данциге. Мы остановимся здесь на германском примере, как наиболее значительном и интересном. Рассмотрению законодательства мы предположим краткое описание процесса падения германской марки.

В начале войны 4 августа 1914 года Германия, подобно другим странам, приостановила обмен на золото банкнот имперского банка, а также разменных монет и банкового серебра. В результате металлические монеты исчезли из оборота и в обращении остались лишь бумажные деньги, снабженные принудительным курсом по номиналу. 28 сентября 1914 года было объявлено недействительным условие о платеже в золотых марках – *Goldclausel*, – включенное в ряд договоров, так что и эти договоры считались выраженными в «бумажных» марках по номиналу.

Процесс обесценения бумажных денег вначале не был замечен и всеобщую дороговизну склонны были приписывать действию факторов на стороне товаров; считали, что не деньги обесценились, а возросли в цене товары. С 1918 года обесценение денег стало уже явлением неоспоримым.

В ноябре 1918 года 1000 бум. мар. = 571 зол. мар.

В январе 1919 года 1000 бум. мар. = 513 зол. мар.

В декабре 1919 года 1000 бум. мар. = 90 зол. мар.

С начала 1920 года до конца 1-й половины 1921 года курс колебался, так что высший курс был. 1000 бум. мар. = 115 зол. мар., низший же курс был 1000 бум. мар. = 50 зол. мар.

После Лондонской конференции продолжалось падение марки: к концу 1-й половины 1922 года 1000 м. = 11 зол. мар., к концу же первой половины 1923 года марка обесценивалась до 0,27 зол. мар. за 1000 бум. марок. Со второй половины 1923 года начинается стремительное падение, достигшее к 20 ноября 1923 года положения 1000 млрд марок = 1 золотой марке.

Марка уже в начале 1923 года не могла служить счетной единицей в виду ее стремительного падения. Летом 1923 года оборот начал прибегать к исчислению платежей в золотых марках с платежом в бумажных марках по курсу на золото. Та же марка служила единицей счета при составлении балансов, определении основных капиталов акц. об-ва, исчислении казенных платежей. Все это весьма сходно с тем положением, которое господствовало у нас до введения червонца: разница лишь в том, что золотая марка, равная 10/42 доллара, определялась более реальными факторами, чем наш официальный золотой рубль; столь же реальным был

курс другой счетной единицы, которым также пользовался оборот, – Feingoldmark = 1/2790 kg чистого золота. И лишь так наз. Steuergoldmark – налоговая золотая марка – определялась по курсу, объявленному министерством финансов.

Несмотря на обесценение марки германское законодательство и практика долгое время держались точки зрения номинализма расчетов по денежным обязательствам. Принцип «марка равна марке» проводился со строгой последовательностью в особенности в отношении облигационных займов. Лишь для некоторых категорий двухсторонних договоров закон допустил исключения (договоры о пользовании электр. энергией, газом, водой, наем помещений и др.). Судебная практика лишь в исключительных случаях допускала ссылку на изменившиеся обстоятельства, но эта ссылка приводила не к изменению условий договора, не к переоценке суммы денежных долгов, а к расторжению договоров, к признанию их утратившими силу в виду несоответствия исполнению (напр., действительной цены товара) и платы за исполнение (обусловленного денежного эквивалента). – Поворотный пункт наступил после решения Имперского Суда от 28 ноября 1923 года, которое признало необходимым, в виду падения марки, повысить сумму обеспеченного ипотекой займа. После этого решения в германской судебной практике наступил полный хаос. Ссылаясь на принципы доброй совести, суд вносил изменения в условия договоров, объявлял их недействительными, переоценивал суммы денежных платежей. При таких условиях вмешательство закона было в интересах оборота совершенно необходимым. Распоряжением рейхс-президента от 14 февраля 1924 года (3, Steuerverordnung), были установлены основания для переоценки некоторых обязательств: но главной целью закона было обложение тех выгод, которые получили некоторые общественные круги от обесценения своих обязательств (собственники заложенных недвижимостей и некоторые промышленные группы); был найден новый объект обложения – Inflationen gewinn!

Распоряжение от 14 февраля 1924 года никого не удовлетворило. При следующих выборах в Рейхстаг вопрос о валоризации старых долгов имел весьма серьезное значение: борьба партий по этому вопросу отразила интересы различных групп, из которых одни («класс должников»: землевладельцы, часть промышленников) были заинтересованы в расчетах по номиналу, другие (финансовые круги, держатели облигационных займов) стояли за переоценку. Недовольство этой последней группы и было, главным образом, использовано правыми (во время выборной кампании весной 1924 года), которые выставили лозунг: по возможности полная переоценка!

Рейхстаг в новом составе обсуждал два законопроекта, внесенные правительством:

- а) Законопроект о ревалоризации частноправовых долгов (Aufwertungsgesetz).
- б) Законопроект о ревалоризации публичных займов (Anleiheablösungsgesetz).

Первоначальные редакции были внесены националистом фон-Шлибеном – министром финансов в кабинете Лютера.

Обсуждение этих проектов в Рейхстаге обнаружило недовольство ими всех партий. Те круги, которые были «должниками» считали, что проект вторгается в сферу частного права, насильственно перераспределяет частные имущества. Другие полагали такую ломку установившихся отношений необходимым и возражали против компромиссного, недостаточно радикального характера проекта. Круги Райхсбанка возражали против переоценки государственных займов.

В конце концов, прения, которые грозили стать нескончаемыми, были закончены в порядке внепарламентского соглашения партийных лидеров: националистов, народной партии, центра, баварской народной и партии хозяйственников. Оба проекта были приняты парламентом в спешном порядке, почти без прений и утверждены президентом 16 июля 1925 года.

В настоящем очерке мы остановимся подробнее на законе о ревалоризации публичных займов (Anleiheablösungsgesetz), закон же о переоценке частноправовых долгов (Aufwertungsgesetz) будет нами рассмотрен лишь в части, касающейся облигационных займов.

Чтобы понять сущность обоих законов от 16 июня 1925 года, необходимо отметить, что ко времени их издания в Германии, состоялась денежная реформа: взамен обесценившейся «марки» была введена новая денежная единица – «рейхсмарка».

Первым этапом этой реформы было введение, наряду с падающей бумажной маркой, параллельной денежной единицы: «рентной марки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.